

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукопися, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

1898 г. 2-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 8-го Февраля.

СОДЕРЖАНІЕ: Еще по поводу великопостныхъ спектаклей. — Товаршескій судъ. — О благотворительныхъ маркахъ. — Психологія театральной толпы (продолженіе) А. Г. — Старое и новое искусство А. Р^и-ва. — Изъ воспоминаній о Козельскомъ. — Хроника театра и искусства. — Музыкальныя замѣтки П. Ки-скаго. — Театральныя замѣтки А. К-елл. — На порогѣ смерти М. Любимова. — Театральная провинція. — За границей. — Алфав. списокъ драм. сочиненій.

№ 6.

разрѣш. къ предст. — Провин. лѣтопись. — Справочный отдѣлъ. — Объявленія. Рисунки: «Тягостный со-сѣдъ» съ картины Гента — Скульптуры въ декад. стилѣ (2). — Г. Писаревъ въ роли Веделя, г-жа Ми-чуркина въ роли Марьицы, Кокленъ въ роли Бержера, — Сирано де-Бержера, послѣд. актъ. — Портр. г-жи Ва-силевой. — Театр. пров.: 14 порт. артист. рижск. теат. Литературно-драматическій отдѣлъ: «На лонѣ природы», ком. въ 1 д. И. П. Потапенко.

Принимается подписка на 1898 г.
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на годъ 6 р.

„ „ полгода 4 „

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и по 2 рубля
1-го Марта и 1-го Юня.

Контора напоминаетъ подписчикамъ пользую-щимся разсрочкою подписной платы, что 1 марта исте-каетъ срокъ второго взноса, почему покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою денегъ, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала.

За перемѣну адреса городского на ино-городный и иногороднаго на городской уплачи-вается по коп., за перемѣну городского на город-ской и иногороднаго на иногородный — 25 коп. Деньги можно высылать почтовыми марками.

С.-Петербургъ, 8-го февраля.

Мы получаемъ много запросовъ относительно великопостныхъ спектаклей. Къ сожалѣнію, болѣе того, что извѣстно, сказать мы не можемъ. Да, спектакли разрѣшаются въ однихъ случаяхъ, а въ другихъ — не разрѣшаются. Вопросъ усмотрѣнія едва ли можно ввести въ границы точныхъ логическихъ основаній. Насъ спрашиваютъ, можно ли играть въ клубахъ? Мы отвѣчаемъ: обратитесь къ надлежащему начальству. Въ надлежащихъ сферахъ отвѣчаютъ, что законъ не допускаетъ спектаклей на русскомъ языкѣ въ теченіи Великаго поста, и что никакихъ отгѣнъ не послѣдовало. Но вотъ Литературно-артистическому

кружку, который есть тоже не что иное, какъ клубъ, хотя и имѣющій довольно фиктивное бытіе, спектакли разрѣшены. Стало быть, въ такихъ слу-чаяхъ остается особенно ходатайствовать и поста-раться добиться разрѣшенія.

Мы далеки отъ доктринерскихъ соображеній, и въ альтернативѣ: la porte doit être fermée ou ouverte, — допускаемъ среднее рѣшеніе вопроса, когда дверь полуотворена, ибо и это великое завоеваніе теа-тральной Россіи, и большой шагъ впередъ. Не слѣ-дуетъ театральному міру забывать, что этимъ расши-реніемъ правъ своихъ онъ обязанъ съѣзду сцени-ческихъ дѣятелей и ходатайству Русскаго театраль-наго Общества, находящагося подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора. Напони-мая объ этомъ обстоятельстве, мы имѣемъ въ виду не вопросъ платонической благодарности, но ту живую и по возможности, реальную связь, которая должна существовать между актерами и Театраль-нымъ Обществомъ и при условіи которой возможно дальнѣйшее движеніе и улучшеніе театральнаго дѣла.

Въ чемъ должна выразиться эта связь—едва ли есть надобность пояснять. Прежде всего, разу-мѣется, въ томъ, чтобы состоять въ числѣ членовъ этого Общества. Намъ извѣстны антрепренеры, ко-торые зная халатность и беззаботность большин-ства актеровъ, платятъ за членовъ труппы обяза-тельные взносы, вычитая ихъ изъ жалованья. Вотъ одинъ изъ немногихъ случаевъ «просвѣщеннаго деспотизма», къ которому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ.

Во-вторыхъ, актерамъ слѣдуетъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ тѣмъ учрежденіямъ, ко-торыхъ существованіе связано съ Театральнымъ Обществомъ. Расширяя постепенно свою дѣятель-

ность, эти учрежденія современемъ могутъ осушествить ту систему театральнаго устройства, которая въ настоящую минуту кажется далекой мечтой, но которой должно принадлежать будущее — именно организацию обширнаго товарищества, матеріально обезпеченнаго и преслѣдующаго художественныя цѣли.

Успѣхъ окрыляетъ. Во всякомъ случаѣ, условное разрѣшеніе великопостныхъ спектаклей есть успѣхъ, и было бы желательно, чтобы онъ благоприятно повліялъ на столь слабую еще солидарность сценическихъ дѣятелей.

Мы получили за подписью артистовъ одной провинціальной труппы заявленіе объ исключеніи одного изъ членовъ ея, за предосудительное поведеніе, съ просьбой таковое заявленіе напечатать въ журналѣ. Желаніе это, вполнѣ, быть можетъ, законное, мы, однако, удовлетворить не можемъ, такъ какъ подобное заявленіе, будучи напечатано въ газетѣ, составляетъ актъ диффамации и подвергаетъ насъ уголовной отвѣтственности.

Но самый фактъ, безспорно, въ высшей степени интересенъ. Если не ошибаемся, онъ и единственный. Это указываетъ, во всякомъ случаѣ, на значительный подъемъ нравственной дисциплины въ средѣ провинціальнаго актерства. вмѣстѣ съ тѣмъ становится еще болѣе очевиднымъ, что корпоративная организациа сословія является необходимою, и что учрежденіе суда чести хотя бы при томъ же Театральномъ Обществѣ—вопросъ вполнѣ назрѣвшій. Только судъ, дѣйствующій правомѣрно, т. е. на основаніи извѣстнаго устава, имѣетъ право постановлять и публиковать свои рѣшенія.

Приводимъ это юридическое соображеніе и надѣемся, что почтенные читатели наши, приславшіе намъ заявленіе, не поспѣютъ на насъ за то, что мы не желаемъ нарушать строгихъ рамокъ законности.

Какъ извѣстно, съ новаго года поступили въ обращеніе новаго образца марки благотворительнаго сбора съ зрѣлищъ и концертовъ. По этому поводу «Русская Музыкальная Газета» справедливо указываетъ на «одну изъ сторонъ установленія благотворительнаго сбора, до сихъ поръ остававшуюся совершенно въ тѣни». Дѣло въ томъ, что въ тотъ моментъ когда кассиръ отрываетъ билетъ отъ корешка, марка считается уже погашенной и въ случаѣ даже отмены спектакля или концерта, вамъ возвращаютъ стоимость билета минусъ стоимость наклеенной на него и оплаченной вами марки. Такимъ образомъ публика принуждена платить благотворительный налогъ даже за одно только *желаніе* насладиться тѣмъ или инымъ зрѣлищемъ... Едва ли такая постановка дѣла можетъ считаться справедливою. Поэтому желательно что-бы на эти своего рода «благотворительныя переборы» было обращено должное вниманіе и чтобы публика была освобождена отъ обязанности оплачивать полностью благотворительныя марки концертовъ и спектаклей—несостоявшихся.

Психологія театральной толпы*).

II.

На первый взглядъ можетъ показаться даже страннымъ, что время исполненія пьесы можетъ имѣть вліяніе на степень ея успѣха. А между тѣмъ это безспорно такъ, и одну и ту же пьесу можетъ постигнуть совершенно неодинаковая судьба, смотря по тому, будетъ ли она исполняться днемъ или вечеромъ. Впрочемъ, и въ жизни бываетъ также. Иногда безъ всякой, повидимому, опредѣленной причины, вы чувствуете себя въ иные часы гораздо веселѣе и бодрѣе, чѣмъ въ другіе. Но это настроеніе духа въ зависимости отъ времени, едва замѣтное въ индивидуальныхъ случаяхъ чрезвычайно усиливается, когда вы находитесь въ толпѣ людей, настроенныхъ такъ же, какъ и вы, и сами составляете эту толпу.

Дневные спектакли—нововведеніе послѣдняго времени. Играли обыкновенно въ сумерки, послѣ обѣда, который кончался по большей части около пяти часовъ. Кажется, Балланду первому пришла идея организовать систематическіе дневные спектакли въ Парижѣ. Единственною причиною реформы послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что у него самого театра не было и онъ поневолѣ долженъ былъ снимать на день тѣ самыя сцены, на которыхъ вечеромъ играли постоянныя труппы. Такимъ образомъ Балландъ, немного даже противъ своей воли, долженъ былъ начать свои воскресныя дневныя представленія, которыя сразу стали пользоваться шумнымъ успѣхомъ. Родители, которые не знали, что дѣлать имъ со своими дѣтьми въ этотъ томительный промежутокъ времени, отъ двухъ до пяти часовъ воскреснаго дня, нашли для нихъ полезное и пріятное занятіе и цѣлыми толпами повалили на представленіе Балланда. Уже въ самомъ началѣ было ясно, что публика дневныхъ спектаклей многимъ отличается отъ обычной вечерней публики, и что главною и отличительною ея чертою, наиболѣе выгодною для антрепренера и для артистовъ, является ея крайняя снисходительность. Классическія пьесы Корнеля и Расина, которыя даже въ Comédie Française не собирали по вечерамъ половины театральнаго зала, шли на дневныхъ представленіяхъ Балланда съ крупнымъ успѣхомъ, при громкихъ аплодисментахъ публики, биткомъ наполнявшей театръ. Главною и непосредственною причиною такого снисходительнаго отношенія публики къ сценѣ служилъ конечно самый ея составъ съ преобладающимъ въ ней элементомъ учащейся молодежи и вообще юношества, гораздо менѣе склоннаго и способнаго къ строгой критикѣ, чѣмъ взрослая публика. И тѣмъ не менѣе, взрослая публика вела себя, какъ и молодежь, я всему причиною — чисто физическія условія. Въ *renlant* къ Боклю и его теоріи физическихъ условій цивилизациа, можно было бы написать теорію физическихъ условій театральнаго представленія. Какъ много значить распредѣленіе дня по времени пріема пищи! У васъ завтракаютъ обыкновенно довольно рано въ 11—12 часовъ, завтракаютъ сравнительно легко, такъ что каждый, кто хочетъ побывать на дневномъ представленіи, можетъ успѣть еще выкурить послѣ завтрака сигару, немного отдохнуть и затѣмъ даже, если это нужно ему для правильности пшчеваренія, не снѣша подойти пѣшкомъ къ театру. Онъ является туда съ легкимъ

*) „La foule au théâtre“ F. Sarcey. См. № 5.

желудкомъ и спокойнымъ сердцемъ, ничто его особенно не раздражаетъ и не волнуетъ, и вотъ почему онъ способенъ отнестись къ пьесѣ не только безпристрастно, но даже снисходительно. Не считайте это преувеличеннымъ. Вспомните знаменитый совѣтъ Вольтера освѣдомиться у служанки принцессы, какъ она сегодня спала и ѣла, если вы хотите что нибудь просить у нея. Публика та же принцесса и она осуществляетъ въ театрѣ свое верховное право сужденія. Наилучшею иллюстраціею этого значенія можетъ служить то общее и почти безошибочное наблюденіе директоровъ театровъ и антрепренеровъ, что первое представленіе пьесы никогда почти не имѣетъ успѣха, если стоитъ дурная погода. Публика является въ театръ съ промо-чаепными холодными ногами; всякому кровь бросается въ голову; всякій становится угрюмымъ и раздражительнымъ; духота въ залѣ, неизбежная при большомъ скопленіи людей, оказываетъ свою долю влияния — и въ результатѣ публика проваливаетъ и осмистываетъ пьесу. Такъ, въ минуту раздраженія часто бросаешь о полъ и разбиваешь такую вещь, которая въ другое время способна доставить удовольствіе.

Соотвѣтственно съ этимъ, отношеніе вечерней публики къ пьесѣ зависитъ, иногда отъ ея послѣднѣйшаго настроенія. Обѣдаютъ у насъ обыкновенно очень поздно и очень плотно: очень часто изъ-за обѣда публика не успѣваетъ къ самому началу спектакля, а если и успѣваетъ, то каждый чувствуетъ себя нехорошо или потому, что онъ слишкомъ быстро ѣлъ, или потому, что онъ не успѣлъ докурить своей сигары или наконецъ просто потому, что онъ является въ театръ съ обремененнымъ желудкомъ. При такихъ условіяхъ онъ конечно неспособенъ слушать болѣе или менѣе терпѣливо мало-мальски серьезную пьесу и какъ это ни странно, а приходится согласиться съ тѣмъ, что главнѣйшею причиною общаго пониженія серьезнаго репертуара является пережѣна обѣденнаго часа, совершившаяся за послѣднее время. Обратите, напримеръ, вниманіе на нетерпѣніе и неудовольствіе публики, когда спектакль затягивается хотя на пять или десять минутъ противъ обыкновеннаго. И вотъ почему каждый болѣе или менѣе умный и опытный антрепренеръ принимаетъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы такъ или иначе ускорить ходъ спектакля.

Разница въ отношеніи публики къ спектаклю въ зависимости отъ того, идетъ ли онъ днемъ или вечеромъ, объясняется также въ значительной мѣрѣ условіями внутренней жизни человѣка. За цѣлый день труда и житейскихъ хлопотъ успѣваете пережить слишкомъ много волненій и несприятностей, и это невольно отражается на способности спокойно и безпристрастно относиться къ тому, что дѣлается на сценѣ. Тогда какъ въ праздничные дни эти неблагоприятныя условія значительно меньше влияют на зрителей. Всякій найдетъ у себя въ памяти воспоминанія о такихъ случаяхъ, когда даже посредственная пьеса пользовалась крупнымъ успѣхомъ только потому, что она ставилась во-время и отвѣчала тому настроенію, которое въ этотъ періодъ времени являлось господствующимъ въ публикѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого не менѣе важнаго, но гораздо менѣе очевиднаго фактора театральнаго успѣха — къ мѣсту исполненія пьесы. Можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ, что мѣсто исполненія пьесы, самое зданіе театра, въ которомъ она дается, можетъ имѣть какое-нибудь влияние на ея судьбу. Нельзя, однако отрицать, что всякій театръ, всякая сцена имѣетъ свою опредѣлен-

ную физиономію, и что достаточно публикѣ хоть немного съ нею свыкнуться, чтобы каждая новая рѣзкая черта казалась ей грубымъ диссонансомъ. Вѣдь недаромъ же близкое сосѣдство двухъ парижскихъ совершенно противоположныхъ по своему направленію театровъ — Théâtre Français и Palais Royal — подало поводъ парижскимъ острякамъ принять старую истину, что „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“. Представьте себѣ, что пьеса изъ репертуара театра Немецкии находитъ себѣ мѣсто на Александринской сценѣ или наоборотъ; нетрудно предвидѣть, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ пьесу ожидаетъ провалъ и не потому только, что драматическія силы или сценическія условія не будутъ ей соответствовать, а просто потому, что сама публика, отирающаяся въ тотъ или другой театръ, находится уже въ извѣстномъ настроеніи, выработавшемся въ ней по привычкѣ, и никогда не прощаетъ пьесы, если та стараются вывести ее изъ этого настроенія. Нечего и говорить конечно, что главною причиною такого отношенія публики къ мѣсту исполненія пьесы является прежде всего сила привычки, но нельзя отрицать также, что уже самая архитектура театра, самое помѣщеніе, извѣстнымъ образомъ предрасполагаютъ публику къ пьесѣ. Наилучшимъ подтвержденіемъ этого, по способу доказательства отъ противнаго, могутъ служить тѣ различныя направленія въ театральную архитектуру, которыя соответствуютъ назначенію того или другого театра. Само собою разумѣется, что если разница въ отношеніи публики къ пьесѣ часто обусловливается самимъ зданіемъ театра, то тѣмъ болѣе это отношеніе должно измѣняться, если, какъ это бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ, представленіе происходитъ подъ открытымъ небомъ. Правда, что въ этихъ случаяхъ главнымъ факторомъ отношенія публики къ пьесѣ является время ея исполненія, такъ какъ такіе представленія даются обыкновенно лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, заранее создающихъ въ публикѣ извѣстное настроеніе; но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и условія мѣста исполненія оказываютъ значительное влияние, и что благоприятное отношеніе публики къ пьесѣ не мало усиливается отъ того, что дѣйствіе происходитъ въ ясную погоду на чистомъ воздухѣ.

Намъ остается теперь перейти къ разсмотрѣнію послѣдняго, самаго важнаго фактора своеобразной психологіи толпы — состава и настроенія самой публики. Для того, чтобы самое понятіе „публика“ потеряло для насъ свою первоначальную неопредѣленность и чтобы намъ легче было его анализировать, постараемся примѣнить къ нему то основное различіе, которое примѣняетъ ко всякой вообще толпѣ Густавъ Лебопъ.

По его мнѣнію, самое понятіе „толпа“ раздѣляется на два вида: толпа постоянная и толпа случайная.

Всякое политическое или общественное событіе можетъ собратъ на улицѣ, на площадн, около церкви или другого какого-нибудь общественнаго зданія цѣлую толпу людей, которые вовсе не знаютъ другъ друга, которые, быть можетъ, теперь въ первый разъ въ жизни встрѣчаются — людей съ совершенно различнымъ воспитаніемъ, съ различными взглядами и убѣжденіями, ничего не имѣющихъ между собою общаго, кромѣ того единственнаго интереса, который собралъ ихъ въ одно мѣсто. Эти люди, составляющіе въ настоящую минуту толпу, могутъ понимать другъ друга, могутъ столкнуться между собою, могутъ даже сообщать дѣйствовать, но стоитъ имъ хотя на минуту перестать быть толпою, и ямъ самими покажутся страннымъ, какъ могли они подчиняться

влиянію одной и той же идеи наравнѣ съ людьми, съ которыми они не имѣютъ теперь ничего общаго. Въ отличіе отъ такой толпы случайной, постоянная толпа—такое собраніе людей, которое соединяетъ ихъ всѣхъ почти каждый день въ опредѣленномъ мѣстѣ для общаго, заранее опредѣленнаго дѣла и такимъ образомъ постоянно поддерживаетъ между собою общность интересовъ. Въ такой толпѣ влияние минуты можетъ сказаться съ такой же силой, какъ и во всякомъ случайномъ сборищѣ людей; это влияние, правда, не будетъ, быть можетъ, настолько же беспорядочно и стремительно, какъ въ случайной толпѣ; но отъ этого оно ничего не потеряетъ въ степени своего могущества. Достаточно привести любой примѣръ паденія министерства въ странѣ съ парламентскимъ режимомъ. Казалось бы, что отъ такихъ учреждений, какъ парламенты, въ которыхъ заходятъ люди, почтвенные до вѣрнѣйшаго цѣлаго народа, представляющіе собою такъ сказать, „соль земли“, можно было бы вполне требовать разсудительности и спокойствія. Однако, стоитъ иногда сорваться неосторожной фразой съ устъ одного изъ этихъ людей, чтобы всѣ остальные потеряли сознаніе своего положенія и важности каждаго своего слова, и всецѣло отдались страстности общей борьбы, и чтобы завтра же, когда пройдетъ первый пылъ, раскаялись въ опрометчивости своего поступка. Такимъ образомъ, даже постоянная толпа уже по одному тому, что она толпа, подвержена тому же влиянію минуты, какъ и всякое другое случайное сборище. Слѣдуетъ лишь признать, что въ большинствѣ случаевъ она не такъ легко и быстро поддается стадному влиянію, и что нужна особая сила обстоятельствъ, чтобы довести ее до самозабвенія. Точно такое же подраздѣленіе толпы на постоянную и случайную нужно установить и по отношенію къ театральной публикѣ.

А. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Старое и новое искусство.

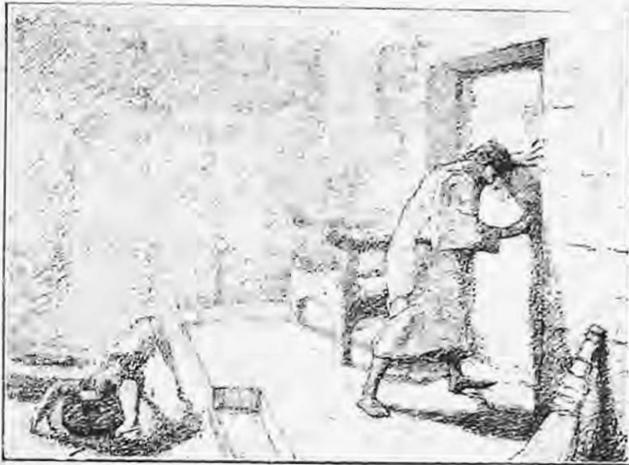
(По поводу двухъ выставокъ).

Весьма удачно совпало открытіе двухъ выставокъ: англійской, въ Обществѣ Поощренія Художествъ, и русскихъ и финляндскихъ художниковъ въ Музеѣ Штиглица, такъ какъ обѣ онѣ, отъѣняя другъ друга, особенно рельефно отъѣняютъ современныя направленія въ искусствѣ и всю разницу между старыми уже отжившими формами и самыми повѣйшими фасонами. На первой насъ, уже значительно зараженныхъ новыми направленіями, какъ-бы приглашаютъ вернуться въ старинныя академическія галереи; преднамѣренность злорадства второй очевидна: намъ хотятъ преподнестъ квинтэссенцію современныхъ молодыхъ талантовъ нашихъ и финляндскихъ. Какой интересный матеріалъ для сопоставленій и выводовъ!

Нельзя не замѣтить, что англійская выставка производитъ странное и неожиднное впечатлѣніе. Весьма много съ нашей публикой ждали ея открытія. Для большинства нашей публики англійское искусство было до сихъ поръ сфинксомъ: картины англійскихъ художниковъ почти не появлялись въ Европѣ. Публика

была знакома съ англійской живописью болѣе по литературѣ. Въ то время, какъ все современное искусство настраивалось по камертону, даваемому Франціей, англійское шло своимъ самостоятельнымъ путемъ. Имя знаменитаго англійскаго художественнаго критика Джона Рескина давно уже извѣстно читающей публикѣ. Конечно она слышала и о „прерафаэлистахъ“, нашедшихъ послѣдователей въ Западной Европѣ, отблески ученія которыхъ можно видѣть и у насъ, хотя-бы въ лицѣ г. Нестерова. Принципы прерафаэлизма и эстетическія доктрины Рескина въ основѣ глубоко интересны и спматичны, не смотря на кажущуюся парадоксальность нѣкоторыхъ его идей, напр. о предѣлѣ знанія для художника (копечно знанія въ смыслѣ науки, но не образованности, на необходимость которой Рескинъ, напротивъ, особенно настаиваетъ). Сущность этого принципа: глубокое преклоненіе передъ природой, какъ единственнымъ и могучимъ учителемъ, полная свобода, правдивость и искренность художника, откуда и глубокое преклоненіе „прерафаэлистовъ“ передъ художниками до Рафаэля, въ особенности же предъ Боттичелли, отличающимися превоблгностью, наивностью и искренностью въ трактовкѣ, вражда ко всему банальному, и къ установившимся и стало быть, по существу ложнымъ формамъ искусства. Произведенія первыхъ и самыхъ талантливыхъ прерафаэлистовъ Россети, Вернъ Джозефа, Голмана Генга, Медокла Брауни отличаются необыкновенной оригинальностью, своеобразностью и въ выборѣ сюжетовъ и въ ихъ трактовкѣ, представляютъ очень большой интересъ заслуживаютъ глубокаго изученія. Но одновременно съ прерафаэлизмомъ въ англійскомъ искусствѣ, очевидно, существуетъ другое теченіе, тонъ которому даетъ всемірно знаменитый художникъ Альма-Тадема, создатель жанра изъ античной жизни имѣющій много послѣдователей. Сюжета въ смыслѣ тенденціи Тадема не признаетъ. Въ его картинахъ дѣйствительно сказывается глубокое изученіе античной жизни въ самыхъ мельчайшихъ ея быденныхъ подробностяхъ. Форма, красота, и въ тоже время правдивость рисунка, колорита, законченность исполненія для него—все Повидимому, онъ сильно привилъ между англійскими художниками любовь къ своему жанру и въ тоже время къ законченности исполненія, какъ ее понимала старинная живопись. Новѣйшія вѣянія въ искусствѣ, такъ ярко выступающія на выставкѣ въ музеѣ Штиглица, повидимому, прошли почти безслѣдно для англійской живописи, судя по крайней мѣрѣ по настоящей выставкѣ. Можетъ быть, самой природѣ спокойнаго, реалистическаго, стремящагося къ точности и упрямаго британца чужды эти вѣянія съ ихъ символизмомъ, расплывчатостью формъ, трудно уловимыми моментами и настроеніями, капризами вдохновенія и пр. Во всякомъ случаѣ, и публика наша, ждавшая очень многого отъ англійской выставки, кажется, обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Стоитъ только окинуть выставку общимъ взглядомъ, чтобы получить впечатлѣніе... скуки. Мы такъ привыкли къ новой жизнерадостной живописи съ ея яркимъ блестящимъ колоритомъ, ея воздушностью, иногда удивительными тонкостями колорита, что отъ „черныхъ“ картинъ англійскихъ художниковъ, такъ папоминающихъ по тону скучныя старинныя картины нашихъ музеевъ, такъ и вѣетъ анахронизмомъ. Болѣе детальный обзоръ выставки оставляетъ тоже впечатлѣніе. Правда, встрѣчаются очень крупныя имена, напр. Альма Тадема, Голманъ Гентъ, Уатъ, Лордъ Лейтонъ, Пойнтеръ, Соломонъ и др., но они какъ-то тонутъ въ общей массѣ неинтересныхъ картинъ. А главное—если исключить двѣ очень интересныя маленькія картины Генга—подное

отсутствіе прерафаэлистовъ, т. е. самаго интереснаго, что могла-бы дать англійская выставка. Я не боюсь сказать, что въ извѣстномъ отношеніи англійская

Голманъ Гентъ «Тягостный сосѣдь».
(Англ. художеств. выставка).

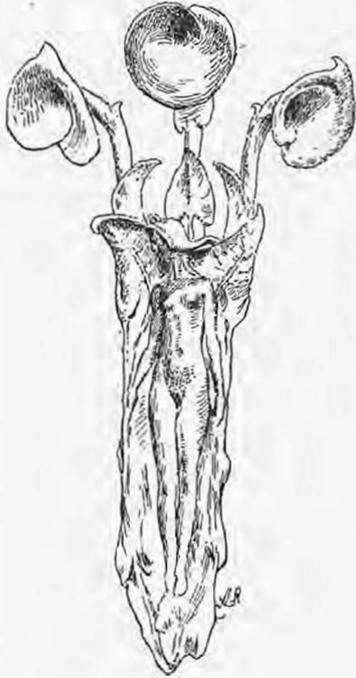
выставка должна дѣйствовать даже развращающимъ образомъ на развитіе вкуса вашей средней публики. Наша средняя публика только недавно начала привыкать къ правильной эстетической оцѣнкѣ произведеній живописи, только недавно въ нее проникла истина, несомнѣнная для художниковъ, что въ живописи сюжетъ не можетъ заслонять собой выполненіе, что картина съ самымъ интереснымъ сюжетомъ, но безъ художественнаго выполненія, не картина, а только „благія намѣренія“ по мѣткому выраженію покойнаго Крамского. Только понемногу и у насъ стали понимать истинное достоинство живописи и рисунка, стали понимать, что форма въ искусствѣ не есть нѣчто прочно установившееся и такъ сказать, совершенно окоченѣвшее, что прелесть искусства заключается именно въ постоянномъ безостановочномъ движеніи и прогрессированіи формы, что въ картинахъ вся суть совсѣмъ не въ „подносности“, то-есть гладкости, „зализанности“ письма, опредѣленности или лучше сказать, обрѣзанности контуровъ рисунка, вообще въ отшлифованности, качествѣ—несомнѣнно цѣннымъ во всякой столярной работѣ,—а въ правдивости передачи тонкостей колорита, въ воздушности, оригинальности освѣщенія, въ передачѣ рельефа. Последнія иностранныя выставки у насъ, знакомя публику съ богатствомъ и разнообразіемъ современной техники, дѣйствовали особенно просвѣщающимъ образомъ. И вотъ является выставка народа, искусство котораго, вообще, всегда ставилось высоко,—и отъ большинства работъ вѣетъ страннымъ архаизмомъ. „А, скажутъ любители старой живописи и тенденціи въ искусствѣ,—вотъ однако „просвѣщенные-то мореплаватели“ не глупѣй насъ, а не придерживаются великихъ европейскихъ „измовъ“, пишутъ по старинѣ, корифеевъ-то ихъ хоть вблизи разсматривай, хоть издали, а Альма-Тадему-то даже хоть и въ лупу, все будетъ хорошо. Они вотъ не выставляютъ „стоговъ сѣна“ и этюдновъ, а все сюжеты, даже въ пейзажѣ. Значитъ, „мазня“ всякихъ „истовъ“ европейскихъ и нашихъ—капризъ и декадентство, а то и просто шарлатанство“. Между тѣмъ, если судить по настоящей выставкѣ, англійское искусство несомнѣнно далеко отстало отъ обще-европейскаго и далеко не блещетъ достоинствами выполненія. Чтобы мое утвержденіе не показалось голо-

словнымъ, я долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ художникахъ и нѣкоторыхъ картинахъ, причемъ сначала нарочно выдѣлю очень громкія имена, такъ какъ они и въ самомъ дѣлѣ выдѣляются, одни по заслугамъ, а другія... по малиновымъ бархатнымъ драпировкамъ, на которыхъ висятъ ихъ картины. Любители такъ называемой законченной живописи, конечно, особенно охотно будутъ ссылаться на Альма Тадему, какъ всемирно знаменитый талантъ. Безъ сомнѣнія, Альма Тадема—величина очень крупная, безъ сомнѣнія, картины его жизненны, онъ въ совершенствѣ владѣетъ рисункомъ и колоритомъ, хотя у него очень часто встрѣчаются почти забавные промахи въ воздушной перспективѣ, какъ, напр., въ картинѣ „Золотыя цѣпи любви“. Безъ сомнѣнія, его картины очень красивы и изящны не только по типамъ, но и по гармоническому сочетанію тоновъ, по тонкой прелести рисунка и тѣмъ не менѣе онъ... скучноватъ, если сопоставить его картины съ произведеніями новѣйшей живописи. Несмотря на прелесть, какой-то холодъ, какая-то безжизненность въ его картинахъ, какъ будто это работаетъ не человекъ нервный, страстный, ищущій, одушевленный любовью, иногда можетъ быть капризный, а какая-то дѣйствительно великолѣпная машина. Передъ такой живописью можно удивляться, восторгаться, но не растрогаться. Одинъ изъ существенныхъ элементовъ эстетическаго впечатлѣнія, даваемого живописью, какъ и всякаго, впрочемъ, другого искусства, несомнѣнно заключается именно въ исполненіи, въ поэзии, краскахъ исполненія, въ его *человѣчности*. Боюсь впасть въ метафизику, но мнѣ кажется, что въ основѣ эстетическаго впечатлѣнія, вообще, лежитъ можетъ быть иногда и безотчетное сознаніе зрителемъ той тонкой духовной творческой работы, той тонкой индивидуальности таланта, которая именно сказывается въ исполненіи. Зритель невольно съ наслажденіемъ слѣдитъ за тѣми на видъ капризными, но въ сущности, логичными и вдохновенными мазками и штрихами, которые дѣлала рука художника подъ вліяніемъ его интеллекта, тонко чувствующаго, индивидуально одареннаго. И вотъ глубокая *человѣчность* работы индивидуально одареннаго таланта, а не идеальное совершенство машины привлекаютъ такъ глазъ. Вѣдь именно потому такъ и очаровываютъ работы Рѣпина, превосходнаго скандинавскаго художника Цорна или на настоящей выставкѣ въ музеѣ Штиглица Эдельфельта, молодого талантливаго художника Сѣрова, что въ выполненіи ихъ, можетъ быть, именно благодаря кажущейся эскизности, „растрепанности“ и шаршавости (на ощупь) техники, сказывается могучая индивидуальность художниковъ. А вѣдь, казалось бы, такъ ясно, что въ живописи гораздо важнѣе и интереснѣе передача тонкостей колорита, формы, воздуха, настроенія, извѣстныхъ моментовъ освѣщенія, чѣмъ та чисто внѣшняя законченность и задѣлан-

Мелкія, художеств. скульптуры въ декадентскомъ стилѣ.
(Выставка въ музеѣ бар. Штиглица).

ность исполнения, до которой у насъ еще такъ много охотниковъ, любящихъ не только смотреть, а и покупать картины и разумѣется предпочитающихъ и всѣмъ нашимъ художникамъ, напр., г-на Бакало-

Мелкин, художественная скульптура въ декадентскомъ стилѣ. (Выставка въ музей бар. Штиглица).

вичча, эту слабую копию Альмы Тадемы. Тѣмъ не менѣе картины Альма Тадемы все-таки представляютъ большой интересъ. Совершенно нельзя сказать того же о картинѣ лорда Лейтона „Сибилла“ и въ особенности о картинахъ сэра Пойнтера—прежняго и настоящаго президентовъ Королевской Академіи, отличенныхъ на выставкѣ особыми амплажами и малиновыми бархатными драпировками. Даже какъ-то странно представить себѣ подобныя картины на выставкѣ современныхъ художниковъ. Ихъ какъ будто связали со стѣнъ какого-нибудь музея, гдѣ онѣ десятки лѣтъ висѣли и пылились, давно уже не привлекая вниманія зрителей. Отъ нихъ такъ и отпадаетъ плѣсенью время Пуссена или нашихъ Егорова, Шебуева. Еще въ холодной картинѣ Лейтона, гдѣ и тѣло, и драпировки, и всѣ детали точно изъ мрамора, есть извѣстная гармоничность, мягкость колорита, за то черныя, сухія картины Пойнтера, кажется, не имѣютъ никакихъ достоинствъ, за исключеніемъ холодной псевдоклассической правильности рисунка. Судя по этимъ образцамъ англійской академической живописи, а также по отзывамъ о древности и напоминающимъ нашихъ Щедрина, Воробьева и др. пейзажамъ членовъ Королевскаго Института Уолтона, Панна и Купера, лондонская Академія, вѣроятно, находится еще въ той стадіи, въ какой наша была лѣтъ 60 назадъ.

Сухость письма, чернота колорита преобладаютъ, вообще, въ картинахъ англійскихъ художниковъ. Назову, напр., „Разбитый идолъ“ Принсепы, тоже члена Королевской Академіи—типично академическую, условную, скучную картину, „Машка“ Гога, довольно оживленную по типамъ и композиціи, но черную, безвоздушную, зализанную по живописи, довольно интересную большую картину Мелтонъ-Фишера „Лѣтняя ночь въ Венеціи“, гдѣ къ сожалѣнію, тоже общее впечатлѣніе портится чернотой и излишней задѣланностью. Особенно неприятны эти качества въ большинствѣ пейзажей, прелесть, которыхъ, вообще, обуславливается тонкой передачей колорита. Отмѣчу кстати любопытное совпаденіе: тотъ же общій черноватый тонъ замѣтенъ и въ пейзажахъ голландскихъ, скандинавскихъ и финляндскихъ художниковъ, какъ будто его обуславливаетъ сѣверная природа, вообще. Рисунокъ иногда тоже очень сильно страдаетъ во многихъ вещахъ, напр., въ такъ нравящейся многимъ картинѣ Орчардсона „Его Высокородіе Вебе“: фигура ребенка такъ плохо нарисована, особенно ноги непропорціонально малыя и короткія отъ колѣнъ и точно приставленныя отъ

другой фигуры, или въ единственной баталической картинѣ Чарлтона „Постановка лунекъ на позицію“, гдѣ имѣется такая грубая ошибка въ перспективѣ—громадная лошадь на заднемъ планѣ. Англійская живопись вообще носить какой-то женственный характеръ, не даромъ въ выставкѣ участвуетъ довольно много художницъ, на картинахъ которыхъ такая печать женской работы, такая робкая и аккуратная задѣланность. Назову такія типично женскія работы, подъ которыми иногда подписаны мужскія имена, какъ „Дѣти короля Карла I въ замкѣ Карлсбрукъ“ миссъ Дикси, „Душа моя! Это кто?“ Галлара, „Молодой докторъ“ миссъ Галларъ, совершенно олеографическую картину „Лѣтомъ“ мистр. Ракъ, очень слабую по исполненію „Подаютъ впервые тому, кто первый пришелъ“ Брэнна и др. Интересно, что акварели англичанъ, которыми мы имѣли возможность любоваться въ прошломъ году и въ которыхъ они кажется не знаютъ соперниковъ, отличаются наоборотъ, блескомъ, оригинальностью, поразительнымъ мастерствомъ и широтой исполненія. Дѣйствительно, очень большой интересъ на настоящей выставкѣ представляютъ, кромѣ Альма Тадемы еще два художника Уатъ и Голманъ Гентъ. Но и въ превосходныхъ полныхъ выраженіяхъ и великолѣпно нарисованныхъ портретахъ Уата, напоминающихъ, особенно портретъ Вальтера Крапа, знаменитыхъ старинныхъ мастеровъ, напр., Ванъ-Дейка, сказывается все-таки современный англійскій художникъ, мало заботящійся о колоритѣ и живописности исполненія. Необыкновенно просто взятыя, съ чернымъ глухимъ фономъ, съ полными отсутствіемъ живописныхъ аксессуаровъ, они отличаются какъ бы стремленіемъ проникнуть въ глубину человеческой души, передать какъ бы нечто таинственно-мистическое въ человѣкѣ.

По поводу картинъ Голмана Гента, единственнаго яркаго представителя прерафаэлитовъ на выставкѣ, конечно, слѣдуетъ поговорить побольше. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

А. Р.—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о Козельскомъ.

Въ газетахъ находимъ много воспоминаній объ Ивановѣ-Козельскомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены интереса. Такъ, довольно любопытную картину рисуетъ въ него г. Писаревскій въ „Одесской газетѣ“.

Дѣло было въ Одессѣ. Артистъ, больной, жилъ въ маленькомъ номерѣ гостиницы, рядомъ съ молодою дамою, которая въ отношеніи его приняла на себя роль сестры милосердія.

— Забыли его, забыли, говорила дама г. Писаревскому. Онъ объ этомъ часто говоритъ... Найдеть на него часъ раздумья, онъ и вспомнить о быломъ...—Ахъ, скажетъ онъ—забыли меня мои поклонники... Совсѣмъ забыли. Помнишь Дина, какъ мы съ тобою въ Кременчугѣ играли... И сейчасъ въ слезы... Ну, а это ему вредно. Я сейчасъ же и останавливаю потокъ слезъ. Подумайте только, какихъ трудонъ мнѣ стоило, пока я привела его въ такое сравнительно хорошее состояніе!.. Вѣдь онъ почти уже не говорилъ. Языкъ у него заделтался и онъ только какіе-то членораздѣльные звуки издавалъ. Затѣмъ онъ правой рукой и ногой почти ужъ не владѣлъ... Надо ему было дѣлать черезъ день ванны, соблюдать строжайшую діету. Онъ и теперь у меня пока почти на одномъ молокѣ. Я его немощко поправила, и врачи подаютъ надежду.

Г. Писаревъ въ роли стараго Веделя.

Г-жа Мичурина въ роли Марыши.

(По набр. нашего художника).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ пятницу, 30-го января, имѣлъ счастье представляться Государю Императору бывший артистъ Императорскихъ театровъ А. А. Нильскій.

* * *

5-го февраля исполнилось сто лѣтъ существованія нижегородскаго театра. По этому случаю, какъ можно видѣть изъ телеграммъ, состоялся парадный спектакль, план отрывки „Недоросля“, „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Молчагъ и Сальери“, „Лиса“. На 6-ое было назначено повтореніе спектакля.

* * *

По слухамъ, дирекція Литературно-артистическаго кружка ведетъ переговоры съ г-жею Журавлевою. Къ чему приведутъ эти переговоры — неизвѣстно. Приглашеніе получила также г-жа Азогарова, которая предпочла, однако, и по несмысленнымъ основаніямъ, остаться въ театрѣ Корша. Послѣ этого въ корреспонденціи „Нов. Врем.“ изъ Москвы по поводу бенефиса г-жи Азогаровой было сказано, что исполненіе артисткою роли въ „Слѣдователь“ было «посредственное». Если принять во вниманіе, что г-жа Азогарова одна изъ лучшихъ русскихъ актрисъ, соединяющая съ простотою и искренностью тона гармонію подробностей и превосходное ритмическое чувство, то станеть понятнымъ, какою сомнительною правдою проникнуты театральныя замѣтки, появляющіяся въ этомъ полупочтенномъ органѣ петербургскаго Мамого театра.

* * *

30-го января въ Петербургъ пріѣхалъ профессоръ скульптуры М. М. Антокольскій

* * *

3-го февраля въ Академіи Художествъ состоялось первое собраніе участниковъ весенней выставки. Въ присутствіи вице-президента Академіи графа И. И. Толстого, произведены закрытыя баллотировки членовъ комитета. Избраны пятнадцать человекъ: Пурвять, Розенталя, Бразъ, Купиджи, Беклемишевъ, Крыжицкій, Бенуа, Вальтеръ, Глицбургъ, Руцицъ, Холодовскій, Цириютти, Стаборонскій, Фельдманъ и Вроблевскій; кромѣ этого избранъ еще одинъ кандидатъ — М. Федорова. Предсѣдателемъ комитета избранъ членами журн М. Холодовскій. Г. Фельдманъ завѣдуетъ изданіемъ иллюстрированнаго каталога, въ который войдетъ шестьдесятъ фотографий.

* * *

Изъ картинъ, присланныхъ на академическую выставку, обращаетъ всеобщее вниманіе большая картина профессора Іосифа-Брандта, изъ Мюнхена, изображающая въѣздъ польскаго короля. Композиція отличается множествомъ фигуръ, которымъ художникъ придалъ характеръ чрезвычайно торжественный. Впереди группа барабанщиковъ и мавровъ съ факелами.

Большой экспрессіей отличается также большая картина молодого художника П. Д. Шмарова изъ мастерской профессора И. Е. Рѣпина. На ней изображены рабочіе, изготовляющіе на улицѣ асфальтовую панель.

Изъ портретовъ видное мѣсто занимаютъ 2 женскіе портрета Іосифа Бразо, съ нѣкоторыхъ поръ занимающаго въ средѣ молодыхъ портретистовъ нервнѣешее мѣсто, особенно послѣ того какъ ему была въ прошломъ году присуждена первая премія за портреты на конкурсѣ московскаго общества любителей живописи.

* * *

Мы получили слѣдующую замѣтку.

Устроители англійской художественной выставки, въ видахъ привлеченія большаго количества публики, особенно вечеромъ, когда входная плата значительно повышена, постарались дать посѣтителѣмъ не только предметы чисто художественнаго наслажденія, но также и музыку. Въ этомъ отношеніи общество попеченія о бѣдныхъ дѣтяхъ сдѣлало первый шагъ. Нельзя однако не признать, что подобное совмѣщеніе разнородныхъ эстетическихъ наслажденій, не можетъ не послужить во вредъ обоимъ родамъ искусства. Въ данномъ случаѣ музыкальная часть конечно, еще болѣе проигрываетъ оттого, что залъ выставки нисколько не приспособленъ для музыкальныхъ вечеровъ и потому подвизающійся здѣсь румынскій оркестръ своей игрою изображаетъ какой-то несносный хаосъ звуковъ, не дающій никакой возможности углубиться въ созерцаніе картинъ. Точно также весьма неудаченъ выборъ пьесъ, которыя воспроизводитъ демонстрируемый здѣсь фонографъ.

Мнѣ кажется было бы чрезвычайно нежелательно, чтобы этому примѣру слѣдовали другія художественныя выставки.

Л. А.

* * *

Вышла первая книжка приложеній къ „Ежегоднику Императорскихъ театровъ“, издаваемому дирекціей подъ редакціей г. А. Молчанова. Въ ней напечатаны два обстоятельныхъ очерка, посвященные прежнимъ дѣятелямъ драматическихъ сценъ — петербургской актрисѣ Брошель (очеркъ написанъ г. Селивановымъ) и П. Степанову, актеру московскаго театра и товарищу Мочалова и Щепкина (очеркъ г. Ярцева), двѣ статьи, касающіяся музыкальныхъ дѣятелей, — Чайковскаго (статья г. Бесселя) и Глинки (г. Финдейзенъ).

* * *

Н. С. Васильева. Въ четвергъ, 5-го февраля, состоялся прощальный бенефисъ Н. С. Васильевой. Причины оставленія г-жей Васильевой Александринской сцены намъ не извѣстны. Нельзя, однако, не замѣтить, что почтенная артистка въ послѣдніе 3—4 года выступала лишь по нѣскольку разъ въ годъ, какъ въ управленіе г. Крылова.

Н. С. Васильева.

такъ и въ управленіе г. Карпова. Такимъ образомъ, дѣлать г-жѣ Васильевой на Александринской сценѣ дѣйствительно

Н. С. Васильева, дочь артистовъ Сергѣя Васильевича и Екатерины Николаевны Васильевыхъ, родилась въ 1852 г. Въ началѣ 70-хъ годовъ Н. С. играла на сценѣ московскаго Малаго театра, и въ Петербургъ перешла въ 1878 г., гдѣ долгое время дѣлила роли съ М. Г. Савиной. Одно время почтенная артистка состояла членомъ литературно-театральнаго комитета, занималась и продолжаетъ заниматься преподаваніемъ драматическаго искусства—вообще теоретическая дѣятельность г-жи Васильевой не менѣе почтенна, нежели собственно сценическая ея практика.

Н. С. Васильева, не обладавъ выдающимися талантомъ, въ то же время производила всегда весьма пріятное и законченное впечатлѣніе обдуманнѣмъ и художественнѣмъ исполненіемъ. Вкусъ и образованіе г-жи Васильевой были особенно незамѣнимы въ роляхъ, требующихъ извѣстнаго стиля и исторической перспективы. Такъ, многимъ памятна игра г-жи Васильевой въ мольтеровскихъ пьесахъ. Въ этомъ отношеніи, она служила прекраснѣмъ дополненіемъ покойному Федотову.

Бенефисъ г-жи Васильевой собралъ не много публики, но за то зрители были крайне дружелюбно настроены и тепло выражали свои чувства. Спектакль состоялъ изъ 2-го акта „Безъ вины виноватыхъ“ и „Хрущовскихъ помѣщиковъ“. Кручинину г-жа Васильева играла вѣскольکو вяло, и это отразилось даже на г. Дальскомъ—Незнамовѣ. Произошло то, что на театральномъ жаргонѣ называется „понижениемъ тона“. Г. Дальскаго и первый разъ видѣлъ въ роли Незнамова. Опъ его игралъ очень тепло и по своему, безъ пафоса, къ которому пасъ пріучили исполнители этой роли.

„Хрущовскіе помѣщики“ дали возможность г-жѣ Васильевой въ роли Глаши обваружить прекрасные сценическіе приемы. „Натуры“ было, правда, немного, неизмѣримо меньше, чѣмъ у г-жи Инкулиной, но впечатлѣніе было неизмѣнно пріятное.

Бенефициантка получила множество цвѣтговъ и подарковъ, и принуждена была многократно выходить на зовы публики. Чествованія при открытомъ занавѣсѣ не было, но въ артистическомъ фойѣ товарищами была устроена „отъѣзжающей“ теплая оація. Г. Давыдовъ, считающій себя, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, тоже гонимымъ, сказалъ весьма чувствительную рѣчь. Многие плакали. Е. Н. Жулева прочитала телеграмму, присланную на ея имя отъ московскаго Малаго театра, и пакопецъ на память отъ товарищей г-жѣ Васильевой были подарены цѣнный серебрянный подарокъ. Н. нов.

Труппа театра Корша въ полномъ составѣ выѣзжаетъ изъ Москвы 19-го февраля въ турне, которое продлится болѣе трехъ мѣсяцевъ: 22-го февраля, въ воскресенье, она

начинаетъ спектакли въ Варшавѣ, въ Большомъ театрѣ комедіей „Горе отъ ума“ и заканчиваетъ гастролы въ поведѣльникъ, 23-го марта, комедіей Сухово-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“. Изъ Варшавы труппа переѣзжаетъ въ Тифлисъ, гдѣ начнетъ спектакли 6-го апрѣля въ новомъ казенномъ театрѣ комедіей „Ревизоръ“ и дастъ тамъ не менѣе пятидесяти спектаклей, состоящихъ изъ пьесъ классическихъ и лучшихъ новѣлокъ театровъ Императорскихъ и Корша. Исправляемъ кстати маленькую неточность, вкравшуюся въ одну изъ нашихъ замѣтокъ объ этой поездкѣ: Ф. А. Коршъ приглашенъ въ Тифлисъ непосредственно дирекціей тифлискаго казеннаго театра безъ всякаго участія или посредничества г. Форкатти, который къ этимъ спектаклямъ не имѣетъ никакого отношенія.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы: *Большой театръ*. Въ четвергъ, 29-го января, въ оперѣ „Князь Игорь“, въ заглавной партіи дебютировала съ успѣхомъ молодая пѣвица г. Оленица. Режиссеромъ въ балетѣ, по слухамъ, назначается г. Хлюстинъ.

Театръ Корша. 30-го января состоялся бенефисъ А. И. Азогаровой. Шла новал для Москвы пьеса „Слѣдователь“ Борисова. Сборъ полный. Подношеній много. Слѣдующій бенефисъ помѣщика режиссера Н. А. Никитина награжденной за 15 ти лѣтнюю службу—позначенъ на 6-ое февраля,—идетъ комедія „Флиппоттъ“ и въ поведѣльникъ, 9-го февраля, послѣдній бенефисъ—г-жи Цуаре, которая выбрала пьесу „Дѣло Клемансо“ и „Вѣдовую бабушку“.

Русская частная опера. (Интернациональный театр). Гастролы Вая-Зандъ и „Садко“ дѣлаютъ полные сборы. На постъ частная опера намѣрена перенести свою дѣятельность въ Петербургъ. Съ 22-го февраля въ Интернациональномъ театрѣ начнутся гастролы Вѣнской опереточной труппы г. Лупера.

Шеллапутинскій театръ. Дирекція М. П. Никитиной. „Современный Овѣгивъ“ и „Гейша“ по прежнему дѣлаютъ прекрасные сборы. На будущій зимній сезонъ театръ вновь снметъ М. П. Никитиной.

Театръ Омонъ. 28-го января состоялся бенефисъ режиссера А. О. Маслова. Шелъ „Продавецъ иглицъ“ съ г-жей Чесловской. Сборъ хороший. Бенефицианту поднесли вѣскольکو подарковъ.

Театръ Эрмитажъ. Малороссійская труппа г. Кропивницкаго. При периодичныхъ сборахъ состоялся бенефисъ г-жи Ратмировой и г. Глазуняко.

Театръ Чикаго. Малороссійская труппа г. Мирова-Бедюха. 27-го января состоялся бенефисъ режиссера труппы г. Ванченко, поставившаго пьесу своего сочиненія „Гасиндъ“. Сборъ хороший. Бенефициантъ получилъ подарокъ. *Москвитъ*.

* * *

Кокленъ въ роли Сирано.

Пьеса Ростана «Сирано де Бержера», въ переводѣ г-жи Шелкиной-Куперникъ идетъ въ Маломъ театрѣ 10-го февраля. Заглавную роль исполняетъ г. Тинскій

* * *

Еще одна новинка на сценѣ Малаго театра. Пьеса идетъ какъ блинъ: такая ужъ тамъ театральная масленица. Повесть пьеса принадлежитъ перу Писиничевского и называется «Рождественный Погромъ». Она производитъ сравнительно недурное впечатлѣніе, но какъ будто была написана лѣтъ 20 назадъ, пролежала «въ портфель» безъ всякаго движенія, и затѣмъ, когда народилась поवाल театральная эра, заключенная въ печеніи драматическихъ блиновъ, была извлечена, кое гдѣ подправлена и отдана на сцену. Авторъ не лишитъ извѣстной доли наблюдательности, но ему мѣшаетъ отсутствіе выдержки и непаго плана. Отнести эту пьесу къ какому нибудь опредѣленному роду — затруднительно: это и фарсъ, и мелодрама, и комедія. Сюжетъ пьесы заключается въ томъ, что цѣлая армія навязчивыхъ, беззащитныхъ родственниковъ разрушаетъ матеріальное и семейное благополучіе главныхъ дѣйствующихъ лицъ — отставного капитана Пилницка и его молодой супруги. Картину этого «рождественскаго погрома» авторъ до нельзя утрируетъ во второмъ дѣйствіи, заставляя всѣхъ этихъ сестрицъ и братьевъ продѣлывать неизмовѣрные курбеты. Затѣмъ, какъ-бы убоившись того легкомысленнаго оборота, который приняла пьеса, авторъ въ 3-мъ дѣйствіи сразу мѣняетъ фронтъ, заставляя своихъ комическихъ героевъ совершить преступленіе, строго караемое уложеніемъ о наказаніихъ: сестра и братъ Пилницка поджигаютъ гумно съ тѣмъ, чтобы получить значительную страховую премію... Самъ Сергій Пилницкій и всѣ его родственники и родственницы шаржируются и попадаютъ въ карикатуру. Нѣкоторые характеристики, впрочемъ, довольно удачны. Изъ исполнителей выдвинулась г-жа Дестомбъ. Она была какъ нельзя болѣе натуральна и естественна въ роли старой дѣвы.

* * *

31-го января въ Большомъ театрѣ, въ Варшавѣ, произошелъ странный случай. По окончаніи представленія оперы «Отелло», въ тотъ моментъ, когда артистка г-жа Бордалба и артисты гг. Русситано и Камера вышли на вызовъ публики на авансцену, изъ ложи второго яруса послѣдовали два, одинъ за другимъ, выстрѣла по направленію къ сценѣ, не причинившіе, къ счастью, вреда. Производившій выстрѣлъ немедленно былъ задержанъ и назвался дворяниномъ Минской губерніи, служащимъ по найму въ Варшавской почтовой конторѣ Владиміромъ Шамаковымъ, 19 лѣтъ отъ роду. По объясненію Шамакова, револьверъ приобрѣтенъ имъ два дня назадъ у незнакомца: знакомства ни съ кѣмъ изъ артистовъ онъ не имѣлъ. По осмотру сцены оказалось, что обѣ пули прошли занавѣсъ на вышней около 6 аршинъ и одна изъ нихъ съ правой стороны сцены найдена въ деревянной стѣнѣ, а другая на полу по срединѣ сцены. Сначала обвиняемый отказался дать какія-либо объясненія, а затѣмъ призналъ себя виновникомъ выстрѣловъ, но заявилъ, что мотивовъ своего поступка объяснить не желаетъ. Слѣдствіе производится судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ. Обвиняемый переведенъ въ слѣдственную тюрьму.

* * *

Г-жа Зюесо-Нисарова будетъ принята въ труппу московскаго Большаго театра съ окладомъ въ 2,000 руб.

* * *

Въ четвергомъ общедоступномъ народномъ концертѣ оиить всѣ билеты были распроданы задолго до начала концерта и многими пришлось отказываться за помѣщеніемъ свободныхъ мѣстъ. Это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о громадномъ успѣхѣ концертовъ. И дѣйствительно, трудно желать чего нибудь лучшаго. Оркестръ графа А. Д. Шереметева съ каждымъ разомъ все болѣе совершенствуется, вырабатывая все болѣе обширный ансамбль, подвижность, богатство нюансовъ и прозрачность тончайшаго пѣанисимо. Подъ управленіемъ графа Шереметева исполнены были «Смерть Оже» Грига, «Юаннъ Грозный» Рубинштейна, отрывокъ изъ оп. «Мазена» Чайковскаго и на bis «Въ Церквѣ» Чайковскаго. Всѣ эти произведенія проведены бы лись увѣренностью, горячностью и отѣхками. Остальными оркестровыми произведеніями («Аталія» Мендельсона, тавцы изъ оп. «Дайоконда» Понкелли) дирижировалъ г. Владиміровъ прекрасно и долженъ былъ, по требованію публики, повторять свои номера. Сознаниемъ концерта были г-жа Θεодоско и гг. Гаринъ и Деккеръ-Шенкъ. Г. Гаринъ небольшой тещоръ гордаго тембра, но поетъ онъ со вкусомъ и музыкально. Г-жа Θεодоско, испол-

нявшая арію Антониды, почему-то выступила на эстраду въ оперномъ костюмѣ. Это вызвало справедливое неодобреніе публики, основательно разсудившей, что концертная эстрада не имѣетъ ничего общаго съ кафешантан-нымъ подмосткамъ. Распорядителю концертовъ слѣдуетъ на будущее время не допускать подобнаго маскараднаго переодѣванія. Голосъ г-жи Θεодоско красивый, особенно въ верхихъ. Она пѣла совсѣмъ большаго, а потому педочеты не въ счетъ. Г. Деккеръ-Шенкъ играетъ на гитарѣ виртуозно и его исполненіе доставляетъ удовольствіе. По требованію публики, онъ много игралъ на bis.

Н. Ку-снй.

* * *

Второй концертъ г. Зауэра, состоявшійся 4 февраля въ залѣ Кредитнаго Общества, былъ посвященъ исключительно произведеніямъ Шопена. Изъ всѣхъ композиторовъ Шопенъ наиболее своеобразенъ по изяществу стиля, элегичности настроенія и капризной прелести творчества. Благодаря такому своеобразію, лишь немногіе, и притомъ, весьма крупные художники — пианисты въ силахъ проникнуться оригинальными чертами шопеновской музыки. Г. Зауэръ, хотя и весьма выдающійся пианистъ, но отъ не поэтъ-художникъ, а потому исполненіе имъ въ теченіе всего концерта сплосъ шопеновскихъ произведеній не могло не производить впечатлѣнія однообразія. Г. Зауэръ напрасно избралъ Шопена для преимущественнаго истолкованія. Шопенъ менѣе всего въ средствѣхъ этого пианиста, обладающаго блестящею техникою, но не отличающагося глубиною передачи и поэтичностью концепціи.

* * *

1 февраля въ народномъ театрѣ (на Петербургской сторонѣ) была поставлена «Ревизоръ». Спектакль нельзя назвать удачнымъ. Г-нъ Вольфъ совсѣмъ не подходитъ къ роли Хлестакова и роль лучше было бы дать, кажется, г. Шабельскому. Степановъ и Де-Кокъ (Добчинскій и Бобчинскій) слабы. Женскій персоналъ лучше: жену городничаго прилично сыграла г-жа Сахарова, и мила была г-жа Казбичъ въ роли Марьи Антоновны. Г. Холмицъ въ роли Осипа, хотя мѣстами немножко копировалъ Варламова, но все же былъ недуренъ и по гриму, и по игрѣ. Роль городничаго исполнена г-мъ Львовымъ удовлетворительно. Публики было множество. Во время масленицы въ этомъ театрѣ предполагается поставить: «Ревизоръ», «Дитя», «Волья пасты», «Дармоѣдка», «Вольная волошка», «Бояринъ Нечай-Поглекъ» и «Двѣ сиротки». Спектакли будутъ дневные (12 ч. 30 м.) и вечерніе (8 час.).

* * *

Въ Петербургѣ открыта интересная антикварная и художественная торговля г. Гардина. Оригинальность этого магазина заключается, между прочимъ, въ томъ, что даже самыя, повидимому, прозаическіе предметы, вроде манники для сниманія сапогъ, украшены, такъ сказать, печатью художественности, живописью, рѣзбою и изваяніями. Обращаетъ вниманіе любителей картина «Созаніе Евы», школы Корреджіо, причѣмъ голова Еговы приписывается кисти самаго Корреджіо. Картина поражаетъ силою таланта: фигуры словно выдвигаются изъ рамы. Недурны предметы изъ эмали стариннаго чеканнаго серебра, художественной мебели, ожерелье XV вѣка и т. п.

* * *

Насъ просятъ сообщить, что кружокъ любителей ставитъ на масленицѣ спектакль въ залѣ, принадлежавшей курскимъ «Рапгофъ» (М. Морская). Пойдетъ комедія въ 3 дѣйствіяхъ Ознобишина «Семейныя тайны» и «Докторъ принимаетъ» — одноактная шутка Шеглова. Репетиціи идутъ подъ режиссерствомъ В. В. Базилевскаго.

* * *

30 января въ залѣ «Пальма» была представлена комедія М. Балучаго «Клубъ холостяковъ» и шутка Ив. Шеглова «Мышелокъ». Играли клубные артисты и любители. Надо отдать справедливость всѣмъ участвовавшимъ въ спектаклѣ: роли свои они анили прекрасно и недурно ихъ передали. Удачно справились съ ролями г-жа Бутыльникова, Нальская, гг. Горскій, Выгинъ и Морозовъ, которымъ много аплодировали. Маленькое замѣчаніе г. Бѣлоусову: при объясненіи въ любви едва ли кто либо кричитъ густымъ басомъ. Это звукъ болѣе достойный квартальнаго при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей.

А. Ф.

«Сирано де-Бержера», новая пьеса Ростана.

(Сцена послѣдняго акта).

Музыкальныя замѣтки.

Седьмое симфоническое собраніе было безцвѣтнѣйшимъ въ сезонѣ. Первая симфонія (Es dur) Бородина, хотя и является счастливѣйшимъ произведеніемъ покойнаго композитора, но въ музыкальной литературѣ занимает скромное мѣсто. Темы первой части мало оригинальны и неинтересны. Зато разработка едѣлана превосходно. Скерцо написано подъ очевиднымъ влияніемъ Мендельсона и проникнуто поэтическимъ колоритомъ. Къ сожалѣнію, тріо, по своему характеру, слабо гармонируетъ со стилемъ скерцо. Andante безцвѣтно и тягуче. Въ послѣдней части есть подъемъ и сила, но въ скромныхъ размѣрахъ. Въ общемъ, первая симфонія Бородина стоитъ неизмѣримо выше второй его симфоніи, въ которой композиторъ, подъ влияніемъ одностороннихъ увлеченій, утратилъ свѣжесть чувства и непосредственность мелодическаго творчества. Увертюра Шумана къ „Манфреду“ принадлежитъ къ шедеврамъ музыкальной литературы. Страданія Манфреда, столь родственнаго натурѣ самаго Шумана, выражены въ увертюрѣ съ потрясающимъ трагизмомъ, чуждымъ, однако, той яркой декоративности, которую позднѣйшіе композиторы пытались замѣнить глубиной чувства и мощнымъ размахомъ музыкальнаго творчества. Исполненіе въ симфоническомъ концертѣ ригодона изъ оп. „Dardanus“ Рамо, а также таконны и ригодона изъ оп. „Aline, reine de Solconde“ Монсиньи слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить какъ дань современной модѣ на старинныя тавцы. Другого интереса эти произведенія не представляютъ. Въ заключеніе исполнена была увер-

тюра къ оп. „Похищеніе изъ Серали“ Моцарта, наивная по формѣ, устарѣлая по примитивной инструментовкѣ, ничтожная по заурядности темъ. Отъ всей увертюры вѣдетъ какую то сѣдою стариною, отдаленною эпохою младенчества музыки. Зачѣмъ понадобилось воскресить этотъ архаическій образецъ обветшалой opera-buffa—это секретъ составителей программы симфоническихъ концертовъ Русскаго музыкальнаго Общества. Въ концертѣ участвовали, въ качествѣ солиста, віолончелистъ г. Врамсень, исполнившій красивый концертъ (a—moll) Давыдова. У віолончелиста маленькій тонъ и далеко не безупречная интонація, но въ исполненіи много изящества и разнообразія тонкихъ оттѣнковъ. Предположавшееся исполненіе отрывковъ изъ оп. „Корделия“ Н. Ф. Соловьева отложено, по болѣзни г. Тартакова, на 28 февраля. Скоро нѣтъ, симфоническіе концерты не мѣсто для исполненія отрывковъ изъ оперъ. Для этого есть оперная сцена. Но что прикажете дѣлать, когда судьба русскихъ оперныхъ композиторовъ такъ плачевна, когда русскія оперы, даже пользовавшіяся крупнымъ успѣхомъ, по, почему-либо, не излюбленнымъ дирекціею, обречены на прозябаніе въ пыли театральнаго архива. Повторяемъ, исполненіе оперныхъ отрывковъ въ концертѣ—явленіе крайне аномальное, но, въ то же время, это неизбѣжный коррективъ того зла, которое порождается незавиднымъ положеніемъ опернаго творчества русскихъ композиторовъ.

Въ началѣ сезона наша публика познакомилась съ исключительно-галантнымъ мальчикомъ, скрипачемъ, Гу-

бермавомъ. Теперь у насъ производитъ фуроръ изумительный фешоментъ, одинадцатилѣтняя пианистка, Паула Шалитъ. Маленькая, тщедушная пианистка съ привлекательными чертами дѣтскаго личика, вызываетъ бурные восторги среди публики и этотъ энтузіазмъ раздѣляетъ не только музыкальная толпа, нерѣдко склонная увлекаться блестящею мишурою виртуозности, но и музыкальные знатоки и выдающіеся пианисты. И дѣйствительно: если этотъ ребенокъ разовьется въ нормальныхъ условіяхъ, то изъ него выйдетъ нѣчто очень крупное, міровое. Паула Шалитъ уже теперь обладаетъ законченною техникою, не признающею никакихъ трудностей. Ей недостаетъ только физической силы взрослого, чтобы сравниться съ наиболѣе выдающимися изъ современныхъ виртуозовъ-пианистовъ. Но одна лишь техника, безъ сомнѣнія, не могла бы доставить маленькой пианисткѣ такой безпримѣрный успѣхъ. Замѣчательно, что юная артистка сама не ставитъ себя техники самостоятельной цѣлью, а пользуется ею лишь какъ средствомъ для высшихъ художественныхъ задачъ. Тайна неотразимаго обаянія Паули Шалитъ заключается въ глубинѣ вдохновенія и поэтической прелести ея исполненія. Вы все время чувствуете предъ собою крупнаго художника, въцѣпъ даромъ творческой фантазіи переносащаго насъ въ міръ свѣтлыхъ грезъ. Какая глубокая осмысленность фразировки! Какое богатство красокъ! Какимъ художественна градаціо эффектнѣе! Но и этого мало. Помимо таланта выдающейся исполнительницы, въ этой крошечной артисткѣ таится еще недюжинное композиторское дарованіе. Уже теперь чувствуетъ она потребность изложить свои грезы въ музыкальномъ творчествѣ и если ей произведшия не сложны по намѣреніямъ и безинтересны по формѣ, то все же они облачаютъ пріятный мелодическій даръ, поэтъ, настроеніе и несомнѣнъ заурядную фактуру.

Въ теченіе одной недѣли Паула Шалитъ дала въ залѣ Кредитнаго Общества два концерта: 1-го и 6-го февраля. Въ первомъ концертѣ она буквально ошеломила публику въ g-молномъ квартетѣ Моцарта, исполненномъ ею вмѣстѣ съ гг. Крюгеръ (скрипка), Каргуевымъ (альтъ) и Кузнецовымъ (виолончель). Маленькая артистка не только поддерживала съ замѣчательно художественнымъ тактомъ ансамбль, но, въ то же время, внесла въ свою партію самостоятельность художественной индивидуальности. Каждая фраза отдѣлялась съ такимъ вкусомъ, совершенствомъ и законченностью, которая подъ стать лишь крупному художнику. Весьма возможно, что именно дѣтская плавность и способствовала ей уловить тотъ духъ спокойствія, которыми проникнуты произведенія классиковъ. Но такъ или иначе, а фактъ тотъ, что квартетъ исполненъ былъ съ такимъ блестящимъ мастерствомъ, какого мы давно не вспоминаемъ въ области камерной музыки. Съ немалымъ блескомъ была исполнена ею вся оставшая программа, среди которой красовались два произведенія концертантки: Præludium и Träumerei. Последнее произведеніе полно настроенія и безусловно интересно въ отношеніи гармонизаціи. Во второмъ концертѣ, помимо собственной мазурки, Паула Шалитъ исполнила съ поразительнымъ блескомъ рядъ крупныхъ произведеній, какъ вариацин Гайдна (t-moll) и соната Бетховена (c-moll), баркаролла (f-moll) Рубинштейна, Chant Polonaise Шопена-Листа и мн. др. Но наибольшую сенсацію возбудили импровизаціи маленькой артистки на темы, предлагавшіяся ей изъ публики. Эти импровизаціи, полныя вкуса, мастерства, фантазіи и музыкальности, окончательно убѣдили публику, что она имѣетъ предъ собою не призракъ а „вупдеркинда“ а истинное и безспорно, крупное дарованіе, которому остается лишь отъ души пожелать благопріятнаго развитія.

И. Кн—скій.

Театральныя замѣтки.

Помните въ „Отцахъ и Дѣтихъ“ споръ Кирсанова съ Базаровымъ? Когда Кирсановъ упомянулъ слово „искусство“, Базаровъ презрительно скосилъ губы и вымолвилъ:

— Искусство наживать деньги, или нѣтъ болѣе геморроя!..

Мнѣ часто приходится въ голову это восклицаніе Базарова, когда я сижу въ такъ называемомъ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка. Какое искусство наживать деньги, при полномъ отсутствіи геморроя, обнаруживается въ этомъ театрѣ! Какое совершенное, изумительное, вдохновенное искусство!..

Я разумѣю „искусство наживать деньги“ не столько въ прямомъ, сколько въ переносномъ смыслѣ. Это—тотъ „количественный успѣхъ“, о которомъ я говорилъ въ статейкѣ по поводу „Джентльмана“. Важно собирать публику; важно вызывать и возбуждать толки; важно срывать одобренія. Это—тѣ же деньги, не такія жѣновыя и ходкія, какъ ассигнація, однако, представляющія цѣнность реальную, въ отличіе отъ цѣнности идеальной, какой являются принципы, убѣжденія, идеалы. Съ точки зрѣнія этого искусства, за одвого битаго не берутъ двухъ небитыхъ, ибо артистически два больше единицы. Съ точки зрѣнія этого искусства, олигархія вкуса, ума, таланта ничего не значитъ по сравненію съ рескомъ толпы, и не потому, что таково убѣжденіе—ибо въ этомъ случаѣ мы имѣли-бы дѣло съ демократическимъ міросозерцаніемъ—но потому, что душа не чувствуетъ, а мысль не улавливаетъ ничего, кромѣ количественныхъ выраженій.

Я не знаю, какъ складываются подобныя.. подобныя темпераменты. Я склоненъ думать, что это органическое. Кстати, и нравственная отвѣтственность въ этихъ случаяхъ меньше.

На дняхъ я имѣлъ возможность снова убѣдиться въ необыкновенномъ искусствѣ г. Суворина наживать деньги, что соответствуетъ отсутствію геморроя. Именно я смотрѣлъ новую пьесу „Изманилъ“. Это—пьеса, едва-ли имѣющая какое либо литературное и художественное значеніе. Она даже лишена „сценичности“ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Но это удивительно прибыльная вещь. На сценѣ дюжина славныхъ русскихъ генераловъ. Во главѣ великолѣпный князь Тавриды, за нимъ слѣдуютъ Суворовъ, Решиницъ, Румищевъ и др. Я убѣжденъ, что въ зрительной залѣ присутствовало нѣсколько десятковъ прямыхъ или несомнѣнъ прямыхъ потомковъ этихъ героевъ. А вся масса? Эти герои срослись съ нашимъ сознаніемъ, словно, они наши личные хорошіе знакомые. Суворовъ, который поетъ пѣтухомъ, Кутузовъ, которому при штурмѣ прострѣлила глазъ—кто же ихъ не знаетъ? Кому они чужіе? Это интересно. Это интересно прежде всего потому, что ново: до сихъ портъ Суворовъ еще ни разу не пѣлъ пѣтухомъ на сценическихъ подмосткахъ. Отсюда—успѣхъ. Не тотъ успѣхъ, который, поднимая въ душѣ волну теплаго, радостнаго чувства, озаряетъ праздничномъ день, прибавляетъ новую черточку въ мозгу и новую замѣтку въ сердцѣ. Это успѣхъ любопытства, возбужденнаго вниманія, курьеза. Но фактъ на лицо: билеты на пять представлений впередъ проданы.

Въ прошломъ сезонѣ совершенно такую же роль сыграла мелодрама „Новый міръ“. Это тоже была спекуляція. Въ „Изманилъ“ мы имѣемъ дѣло со спекуляціей на тему отечественной исторіи. Въ „Но-

Театральная провинція (труппа Рижскаго театра).

1) П. Н. Рахмаиовъ. 2) Е. Ф. Криаская. 3) Е. П. Муратова. 4) Н. М. Бориславскій. 5) В. Ф. Зильскій. 6) С. М. Ратовъ. 7) М. И. Разсудовъ. 8) М. Ф. Лорина. 9) Ф. И. Никитичъ-Фабіанскій. 10) В. Н. Чалтсева. 11) М. И. Кириллова. 12) М. Л. Лавно-Дашшевова. 13) В. М. Марченко. 14) М. В. Вороянца.

вомъ міръ“ спекуляція на тему о первыхъ христіанахъ. Въ „Новомъ міръ“ такъ же мало христіанскаго и языческаго, какъ въ „Измаилъ“ русскаго и правоописательнаго, но занимательность заглавія создаетъ успѣхъ. Разработка сюжета и здѣсь, и тамъ въ высшей степени поверхностная. Дѣло висколько не идетъ о правильномъ историческомъ освѣщеніи, или объ иллюстраціи нравовъ, или о психологической драмѣ, которая пріобрѣтаетъ въ обстановкѣ эпохи особенную живописность и яркость. Это просто обманъ зрѣнія, рассчитанный на то, чтобы пестротою декорации усилить и отвлечь вниманіе.

Я припоминаю слѣдующій анекдотъ. Въ какомъ то крупномъ американскомъ городѣ готовились къ казни преступника. Несмѣтныя толпы народа тѣснились вокругъ эшафота. И вотъ, въ ту минуту, когда палачъ готовъ былъ вздернуть приговореннаго, послѣдній попросилъ слова. „Я хочу сдѣлать признаніе“, сказалъ онъ. Воцарилась гробовая тишина, слышно было бѣненіе сердца у сосѣда.

— Не сознавайтесь никогда, воскликнулъ приговоренный,—никогда не сознавайтесь...

Всѣ затаили дыханіе. Ожидали чего-то необыкновеннаго, громаднаго...

Тогда, насладившись эффектомъ и мастерски выдержавъ паузу, преступникъ прибавилъ:

— Никогда не сознавайтесь, что вы моетесь не мыломъ Конго.

Право, „Измаилъ“, „Новый міръ“ и т. п. напоминаютъ несоотвѣтствіемъ торжественнаго вступленія и ничтожнаго содержанія—это послѣднее признакіе осужденнаго.

И мысль объ искусствѣ наживать деньги неотступно стояла предо мной въ теченіе всего спектакля. Турецкій барабанъ за сценою изображалъ отзвуки далекихъ пушечныхъ выстрѣловъ, бумъ, бумъ, бумъ! А я думалъ: вотъ оно, умѣнье ладить съ толпой, понимать ее, угадывать. Искусство! Бумъ, искусство! Дзынь, искусство!.. Каждую минуту вбѣгали изъ-за кулисъ къ великолѣпному князю Тавриды ординарецъ, и залпомъ, по исторіи Иловайскаго, прочитывали отрывокъ изъ описанія штурма. Очевидная нелѣпость, даже съ условной сценической точки зрѣнія. А между тѣмъ, она дѣйствуетъ. И Сарду, этого величайшаго ремесленника драматурга, тоже самое продѣлываетъ. Припомните его „Термидоръ“. И толпа внимаетъ, и это театръ, и на верху изображена лира съ перомъ, и на пять спектаклей распроданы билеты...

Какое прекрасное искусство! И нужно ли полагать, что уже нѣтъ болѣе геморроя?

Для меня лично въ этомъ интересно не то, что „Измаилъ“ съ „Новымъ міромъ“ собираютъ публику. Въ концѣ концовъ, почему публикѣ и не смотрѣть этихъ пьесъ? Публика, посѣщая представленія, ничѣмъ, кромѣ рубля, не рискуетъ и нравственной ответственности за дурной выборъ пьесъ не подлежитъ. Меня гораздо болѣе занимаетъ внутренній міръ, и новый, и старый, руководителей театра, у которыхъ на верху лира съ перомъ, а подъ лирой съ перомъ — спекуляція на патріотическую тему. Вѣдь если антрепренеръ открываетъ театръ—такъ это понятно. Антрепренеръ открываетъ театръ съ промышленною цѣлью, и во всякомъ случаѣ, она для него главная. Онъ кормится искусствомъ, а не искусство кормится имъ. Но если театръ открываетъ не промышленникъ, т. е. я хотѣлъ сказать, не театральныи промышленникъ, а любитель, да если еще при этомъ напрокатъ беретъ фирму цѣлаго учрежденія, то казалось бы, вполне естественно, прежде чѣмъ открывать театръ, спросить себя: а что я буду въ немъ показывать? къ чему стремиться? какія задачи преслѣдовать? Ибо если пе-

чего показывать, и вмѣсто стремленій бродить въ душѣ смутныя инстинкты, а вмѣсто задачъ, имѣется лишь готовность угождать неразборчивымъ вкусамъ толпы,—если все это такъ—то всего проще, думается мнѣ, и совѣмъ не открывать театра.

Рѣшительно начинаешь недоумѣвать при видѣ этой лиры съ перомъ, водруженной надъ театромъ, въ которомъ ставится все что угодно, лишь бы оно привлекало публику. Кому же это нужно? Публикѣ? Она всегда найдетъ въ лицѣ театральнаго промышленника лицъ „готовыхъ соотвѣтствовать“. Авторамъ? Но большинство авторовъ, которыхъ произведенія въ этомъ театрѣ ставятся, таково, что разводить ихъ столь же полезно, какъ приумножать еусликовъ для процвѣтанія посѣвовъ. Литературно-артистическому Кружку, если предположить, что онъ не фикція? Но Литературно-артистическому Кружку можетъ быть только стыдно за то, что подъ его фирмою проводится въ публику. Эта беззаботность насчетъ высшихъ цѣлей искусства едва-ли простительна одному человѣку. Но совѣмъ уже никуда не годится, если цѣлое общество литераторовъ и артистовъ, соединившись, надо полагать, на почвѣ нѣкоторыхъ общихъ положеній и стремленій, обнаруживаетъ не только полную безалаберность въ смыслѣ направленія, цѣли и средствъ, но и явно принижаетъ вкусы публики. Такъ вотъ вы, стало бытъ, какіе литераторы и артисты? могутъ сказать въ публикѣ,—вотъ какой у васъ багажъ! вотъ что вы считаете хорошимъ! вотъ ваша собственная практика, гг. критики, цѣнители и судьи!

Я говорю, что нынѣшняя дѣятельность Кружка представляетъ въ своемъ родѣ издѣвательство надъ добрыми вкусамъ и даже надъ здравымъ смысломъ. Возьмемъ такой примѣръ. Графъ Шереметевъ устраиваетъ, положимъ, общедоступные народные концерты. Прекрасное начинаніе, которому нельзя не сочувствовать. Но если бы, прикрываясь фирмою общедоступныхъ народныхъ концертовъ, устроитель ихъ сегодня сыгралъ бы Глинку, а завтра поурри изъ „Дочери мадамъ Анго“, а послѣ завтра польку-трамблямъ, а потомъ „Стрѣлочка“, а потомъ еще чтонибудь, такъ это было бы хуже во-стократъ, чѣмъ отсутствіе великихъ концертовъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Но если снаружи какъ будто миссія, а внутри—развратъ, тогда это совѣмъ не простительно. Это напоминаетъ „Новый Міръ“, который пользуется глубокимъ молитвеннымъ отношеніемъ публики къ первымъ днямъ христіанской эры, тащить все на улицу и даетъ возвышенно настроеннымъ зрителямъ плоскую, скучную и скудоумную мелодраму...

Нѣтъ, тутъ чтонибудь да не такъ... И я надѣюсь, что это недоразумѣніе скоро разсѣется.

А. К.—ель.

Р. S. По возвращеніи своемъ изъ поѣздки, и прочиталъ фельетонъ г. Амфитеатрова, вызванный моими замѣтками объ его „Отравленной Совѣсти“. Г. Амфитеатровъ даетъ дурной образчикъ своей сообразительности, высказывая увѣренность, что я ему буду отвѣчать. На такія писанія не отвѣчаютъ. Выражаясь словами одного французскаго оратора — „высота вашей клеветы никогда не достигнетъ подножія моего презрѣнія“.

НА ПОРОГЪ СМЕРТИ.

(ПОВѢСТЬ).

(Продолженіе *).

III.

Генералъ, пріѣхавшъ домой (онъ занималъ большую, прекрасную квартиру) былъ огорченъ неожиданнымъ извѣстіемъ. Камердинеръ Терентьевичъ подалъ ему письмо съ заграничною маркою; оно было отъ жены. Почтенная генеральша увѣдомляла своего почтеннаго супруга, что здоровье ихъ дочери, горбатой Адели, настолько поправилось, что она покидаетъ Ниццу, гдѣ прожила около пяти лѣтъ и пріѣзжаетъ въ Россію. Въ письмѣ указы-

валась цифра, которую долженъ былъ генералъ прислать имъ на выѣздъ. Извѣстіе это настолько огорчило генерала, что у него промель даже хмѣль. Генеральша съ горбатою дочерью совершенно не входила въ его расчеты. Онъ аккуратно до сихъ поръ исполнялъ свой нравственный долгъ: высылалъ имъ въ Ниццу солидную цифру своихъ доходовъ, изрѣдка переписывался, но поселить ихъ съ собою и стѣснить свою свободу, къ которой онъ привыкъ за эти пять лѣтъ,—было бы для него ударомъ. Онъ раньше-то не пыталъ ни къ жени, ни къ дочери вѣжныхъ чувствъ, а теперь и подавно. Женился онъ, какъ большинство свѣтскихъ людей, по расчету, чтобы поправить разстроенныя обстоятельства. Софья Павловна (такъ звали его супругу) принесла ему въ приданое прекрасныя связи и упрочила его служебное положеніе, но пропознелъ какой-то недочетъ, и генералу предложили добровольно подать въ отставку. Софья Павловна принуждена была похотатайствовать ему другое мѣсто. Благодаря вліятельному родству ей это удалось. Генерала опять устроили и даже выгоды прежняго. Но тутъ произошелъ чисто семейный скандалъ. Софья Павловна случайно открыла его связь съ французенкой, гувернанткою Аделью. Французенка была съ позоромъ изгнана, и генералъ перенесъ бурную сцену обмороковъ и истерикъ. Потомъ также случайно открыта была его вторая квартира, въ которой на его счетъ проживала молоденькая, смазливая швейка. Потомъ... Но потомъ Софья Павловна махнула на него рукою и начала жить исключительно для дочерей, сохраняя лишь наружный декорумъ семейной жизни. Она назвала его „vilin“, „misérable“ и объявляла ему, что ей нужны

только его средства, а что касается его самого, то „vous êtes en étatment libre“. Такъ онъ и зналъ. Когда же у дочери началъ выростать горбъ, а климатъ Россіи, по рѣшевію докторовъ, былъ найденъ вреднымъ, то Софья Павловна объявила супругу сумму денегъ, которую онъ долженъ былъ высылать ей за границу, и покинувъ отечество, окончательно предоставила ему право жить, какъ онъ хочетъ.

Генералъ пустился было въ увѣренія преданности и глубокаго уваженія, но Софья Павловна и это устранила.

— Хотя въ эту минуту не будьте фальшивы! сказала она съ гадливостью и опять повторила, что ей нужны только „средства“: что же касается до уваженія и преданности—то онъ ихъ можетъ оставить при себѣ.

Такъ онъ разстался. А теперь она писала ему, что ради общественнаго положенія дочери, имъ необходимо жить вмѣстѣ.

Въ настоящее время генералъ управлялъ субсидированнымъ театромъ и распоряжался имъ совершенно самостоятельно. Ему отпускались прекрасныя средства, и онъ былъ обязанъ способствовать развитію русскаго искусства въ краѣ. Здѣсь онъ былъ вполнѣ, такъ сказать, „въ своей тарелкѣ“, ибо и воспитаніе получилъ эстетическое, да и по своимъ склоностямъ былъ эстетикъ. Конечно, наибольшимъ вниманіемъ съ его стороны пользовался балетъ. Онъ волшебнымъ образомъ обставлялъ балетныя пантомимы и „стянулъ“, какъ онъ выражался, всѣхъ хорошенькихъ танцовщицъ на свою сцену. Въ интимныхъ кружкахъ онъ называлъ балетъ „своимъ маленькимъ гаремомъ“ и съ артистками былъ любезенъ до чрезвычайности. Драма въ появленіи Цвѣтковской была въ загоны. Съ появленіемъ же Цвѣтковской взглядъ его на драму измѣнился.

Но надо упомянуть, при какихъ обстоятельствахъ онъ съ нею познакомился. Годъ два тому назадъ генералъ гостилъ у своихъ близкихъ родственниковъ Остужевицъ, зажиточныхъ помѣщиковъ одной изъ черноземныхъ губерній. Имѣніе ихъ лежало верстахъ въ трехъ отъ заолустнаго губернскаго города. Городъ этотъ не имѣлъ даже зимняго театра. Лѣтній же, совершенно открытый, помѣщался въ общественномъ саду. Въ этомъ-то лѣтнемъ театрѣ и подвизалась провинціальная труппа какого-то Пивкина, въ которой играла молоденькая, начинающая артистка Цвѣтковская. Рассказывали о ней чудеса: ее называли будущею Рашелью, а что касается современныхъ знаменитостей, то она и теперь уже выше ихъ, какъ выкрикивали мѣстные театралы.

Остужеви, однако, не посѣщали театра и совершенно равнодушно выслушивали восторженныя похвалы молодой артисткѣ. Но у нихъ былъ сынъ—юнкеръ Павловскаго училища, увлекавшійся деревенскими прелестями: охотою, рыбною ловлею, катаньемъ верхомъ и на лодкѣ и т. п. Это былъ жипсеродостный, красвощекий юноша съ задористыми карими глазками и съ едва замѣтными на верхней губѣ усыками. Звали его тогда еще Колей и у своихъ родителей былъ онъ еще на положеніи мальчика. Свиныховъ, доводившійся Колѣ дядею по матерп, пожелалъ доставить ему удовольствіе и повезъ въ театръ. Вотъ тутъ-то и предстала очамъ ихъ Цвѣтковская. Съ перваго же выхода ея генералъ былъ пораженъ наружностью артистки и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея игрой. Результатомъ этого вниманія было приглашеніе Цвѣтковской въ труппу города X и при томъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

* См. № 5.

IV.

Упомянем и о прошломъ Цвѣтковской.

Среди театральныхъ заходустныхъ антрепризъ всѣмъ былъ извѣстенъ артистъ—Федоръ Ивановичъ Цвѣтковскій. Это былъ, небольшого роста желтолицый человѣчекъ, съ бритыми щеками и подбородкомъ, одѣвавшійся бѣдно. Женатъ онъ былъ на одной изъ театральныхъ grande-coquette, столь же мало извѣстной, какъ и онъ самъ. Антрепренеры всѣ были съ нимъ „на ты“ и называли его не Федоромъ Ивановичемъ, а „Федей“. Чего только не исполнялъ этотъ Федоръ Ивановичъ и за что только онъ не брался! И декорации писалъ, и соловьемъ свисталъ, и собакою лаялъ, и Чацкого игралъ, когда премьеръ напивался пьянымъ, и Льва Гурьича Синичкина изображалъ, и обучалъ танцамъ мѣстныхъ обывателей изъ мѣшанъ, и фейерверки устраивалъ и даже сочинялъ пьесы, которыхъ никто не ставилъ и о которыхъ говорилъ самому Федору Ивановичу въ глаза, что „они глупы“. Большую часть своей сценической дѣятельности Федоръ Ивановичъ провелъ въ сѣфлерской будкѣ. Въ этой области его считали болѣе всего полезнымъ, такъ какъ „подъ него“, выражаясь театральнымъ жаргономъ, актеры могли „видѣти“, не зная ни слова изъ роли. Платили ему сущую бездѣлицу и жила онъ, какъ самъ выражался, „въ чернѣ“: не доѣдалъ, не досыпалъ, зябъ въ скверныхъ, холодныхъ и сырыхъ квартирахъ, по ни на мигъ не терялъ энергіи. Съ своею grande-coquette, поливою и пухлою шатенкою, прожилъ онъ всего три года, да и то больше врозь. Какъ-то всегда такъ случалось, что ее приглашалъ тотъ антрепренеръ, которому онъ былъ не нуженъ, а его тотъ, которому она не нужна. Черезъ годъ послѣ свадьбы grand-coquette воспроизвела ему Лелечку, а еще черезъ годъ, когда Лелечкѣ было два года, всѣмъ сдала ребенка на его попеченіе, несмотря на то, что Федоръ Ивановичъ глубоко сомнѣвался въ томъ, что именно онъ виновникъ существованія Лелечки. Во время одного изъ лѣтнихъ гуляній, на которомъ Федоръ Ивановичъ устраивалъ „самый разнообразный и самый блестящій бриллиантовый фейерверкъ“, получено было извѣстіе о внезапной кончинѣ его жены. Она умерла на сценѣ во время исполненія ею роли княгини Рѣзцовой въ „Ошибкахъ молодости“. Смерть эту сравнивали со смертью воина, павшаго на полѣ брани и въ газетныхъ некрологахъ, набранныхъ петитомъ, было сказано, что покойная Клавиева-Клавикордова (она играла подъ этой фамиліей) принадлежала къ тѣмъ сценическимъ дарованіямъ, которыя если ничего не создавали изъ своихъ ролей, то во всякомъ случаѣ ихъ не портили. „Миръ праху твоему, честная труженица искусства!“ восклицали въ газетахъ. „Миръ праху твоему!“—сказалъ и Федоръ Ивановичъ, получившій это извѣстіе, и глубоко вздохнулъ.

Лелечка росла тѣмъ театральнымъ ребенкомъ, которому съ самыхъ пеленъ пришлось видѣть закулисную жизнь актера во всей ея ноготѣ и прелести. Натыкалась она и на интимныя сцены въ уборныхъ, бѣгала въ своихъ рваныхъ башмакахъ въ кабачекъ за водкою и въ мелочную лавочку за колбасой, по порученію какого-нибудь трагика или комика, слушала брань рабочихъ, передвигавшихъ декорации, вдыхала закулисную пыль, видѣла грубое обращеніе антрепренера съ „выходными“ и съ ся оффиціальнымъ отцомъ... А мытарства въ вагонахъ третьяго класса, а труппы губернскихъ городовъ, въ которыхъ приходилось ютиться ея отцу по недостаточности средствъ? Азбукѣ обучала ее одна изъ „вы-

ходныхъ“, складамъ „индѣше-сопикъ“, арифметикѣ, „второй комикъ“, молитвамъ квартирная хозяйка. Почти самоучкою научилась она читать, а въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ дѣйствовали дѣти,—напримѣръ въ „Непорченной жизни“—ее выпускали на сцену, обучивъ предварительно ролл. Десяти лѣтъ Лелечка сильно стала напоминать Федору Ивановичу одного полтавскаго помѣщика, закулиснаго мецената, который часто заходилъ въ уборную его покойной жены. И когда представился случай помѣстить Лелечку въ одну изъ театральныхъ школъ, то Федоръ Ивановичъ вздохнулъ свободно. Лелечка все-таки стѣсняла его, да и заработки его были всѣмъ не для семейной жизни.

Была ли Лелечка хоть сколько-нибудь привязана къ Федору Ивановичу? Едва-ли. Дѣти, растуши, такъ сказать, „на міру“, лишаются этой способности. По крайней мѣрѣ, когда ее везли въ Москву и она прощалась съ „папенькой“, ясные глаза ея не затуманились слезою; напротивъ, она была даже рада воспріять новыя впечатлѣнія. Въ школѣ она сблизилась съ двумя-тремя подругами и влюбилась въ профессора декламации. Ее выпустили на Императорскую сцену, какъ лучшую ученицу, гдѣ она, разумѣется, просидѣла цѣлый годъ безъ ролей. Тогда по совѣту одной изъ выдающихся старыхъ артистокъ, Лелечка подписала контрактъ съ провинціальнымъ антрепренеромъ. Съ этого момента и начался ея недолгія мытарства по провинціальнымъ городамъ, пока генералъ не увидѣлъ ее въ Черниговѣ и не пригласилъ къ себѣ въ Н—скъ.

М. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Театральная провинція.

Вопросъ объ афишной рекламѣ, съ нашей легкой руки, не сходитъ со столбцовъ спеціальной печати. Надо думать, что вопросъ этотъ будетъ обсуждаться на съѣздѣ театральныхъ и сценическихъ дѣятелей, а пока прибавимъ къ вашей копилкѣ двѣ афиши Кременчугскаго антрепренера или „представителя г-ва“ Н. Т. Филипповскаго: „Кручина“ драма въ 5 д., соч. И. Шпажинскаго (автора пьесъ: „Чародѣйка“, „Маюриша“, „Жертва“ „Грѣхъ попуталъ“, „Прахомъ пошло“ и др.). Дѣйствіе 1-е Счастье въ уголѣ. Дѣйствіе 2-е Ревнивый мужъ. Дѣйствіе 3-е Скверъ! Уроды! Оставайся. Дѣйствіе 4-е „Молчу, а дума люта покой не даетъ“. Дѣйствіе 5-е Разбитая жизнь. Пьеса „Кручина“ одна изъ лучшихъ пьесъ современнаго репертуара. Великолепно написанная сценахъ Императорскихъ и провинціальныя театровъ. Необыкновенно искусно составленное содержаніе этого произведенія, полное оригинальности и красоты, идетъ рука объ руку съ необыкновенной силой драматическихъ моментовъ, основанныхъ на широкихъ движеніяхъ человѣческой души. Пьеса эта достойна вниманія каждаго образованнаго человѣка“. Думалъ-ли когда-нибудь г. Шпажинскій о такомъ „восполненіи“ „скверамъ“ и „уродамъ“ его произведенія?

Въ такомъ же родѣ „услугу“ оказали г-ну Чехову въ Кременчугѣ же гг. Любинъ и Долиновъ, поставивъ въ

свой бенефисъ пьесу „Ивановъ“ и сочинивъ слѣдующую афишу, которую сохраняемъ въ полвой орфографической неприкосновенности: „Въ бенефисъ артистовъ Я. М. Любина и М. А. Долинова представлено будетъ новалъ пьеса репертуара С.-Петербургскаго и Московскаго Императорскихъ театровъ „Ивановъ“ драма въ 4 д., соч. Антопа Чехова. Предлагаема пьеса „Ивановъ“, принадлежитъ перу извѣстнаго писателя Антопа Чехова. Поставленная въ 1-й разъ на сценѣ Императорскаго московскаго театра, она въ теченіи одного сезона выдержала много представлений при полныхъ сборахъ. Съ такимъ же несомнѣннымъ успѣхомъ плетъ теперь во многихъ крупныхъ городахъ провинціи. „Ивановъ“ считается лучшимъ произведеніемъ современной драматической литературы. Въ періодической прессѣ много статей было посвящено „Иванову“—пьесѣ, талантаго А. П. Чехова. Превосходно написанная, пьеса эта смотрится съ неослабывающимъ интересомъ до послѣдняго наденія завѣса и благодаря своимъ литературнымъ достоинствамъ и драматическимъ положеніямъ дѣйствующихъ лицъ доставляетъ зрителю много хорошихъ минутъ. Пьеса полна живого несомнѣннаго интереса. Роль доктора Дикова исполнитъ М. А. Долиновъ, роль Иванова исполнитъ Я. М. Любинъ“.

Намъ думается, что самимъ авторамъ слѣдовало бы позаботиться о контролѣ надъ „писателями“ такихъ и тому подобнахъ афишахъ. Затѣмъ ибудь да ишнется на болѣе широкіе печатныхъ пьесъ: „разрѣшеніе постановки зависить отъ мѣстнаго агента о-ва драматическихъ писателей“... Что собственно имѣлось и имѣется въ виду этой надписью? Какимъ правомъ пользуется каждый агентъ о-ва писателей? Вопросъ небезинтересный.

Не думаемъ, чтобы гг. Шляжипскому и Чехову были лестны афишные „комментаріи“ гг. Филадельфійскихъ.

Открылась ирбитская ярмарка. Торгуютъ бойко... Кафе-пантаны процвѣтаютъ. Уфа и Нижний плачутся: всѣ артисты перебрались въ Ирбитъ. Кромѣ кафе-пантановъ на ярмаркѣ развлеченій никакихъ—если не считать хохлово (нашъ пострѣлъ—всюду посиѣлъ!), которыхъ впрочемъ не постыдаются.

Кстати о малороссахъ, „этнографическомъ искусствѣ“ и пр. Въ борьбѣ съ все возрастающимъ равнодушіемъ публики, малороссія труппы бросаются изъ стороны въ сторону, и ставятъ „переводныя съ русскаго“ (sic!) пьесы. Такъ, въ Баку труппа гг. Сусллова и Суходольскаго поставила ни больше, ни меньше, какъ „Корневильскіе колокола“.

Побачьте здѣсь, шукайте тамъ,
Чи гарна молодіца я?

Вѣдвыи Планкеттъ! Вѣдвая оперетка!..

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

На парижскихъ сценахъ—двѣ новинки (въ «Odéon» и Théâtre Français): «L'Affranchie»—г. Доннэ и «Le Nouveau Jeu»—г. Лаведана. Первая написана очень живымъ, легкимъ языкомъ, избилуетъ остроуміемъ, но дѣйствія въ ней мало и тенденція избитая. Разбирается вѣчный вопросъ: женщина должна быть «свободнымъ существомъ», а отнюдь не рабой; ложь простительна рабѣ, но никакъ не «свободному существу». Если любовники разлюбили другъ друга, они должны объясниться честно, не унижая своего достоинства банальными измѣнами. Такъ думаетъ герой новой пьесы, влюбленный въ хорошенькую женщину, легкую на каждомъ шагѣ изъ любви къ искусству и обманывающую его изъ простаго любопытства съ самымъ его лучшимъ другомъ, измѣняющимъ для этого своей женѣ. Обѣ измѣны открыты и обѣ парочки расходятся.

«Le Nouveau Jeu»—Лаведана служить противникомъ другой пьесѣ того же автора «Catherine». Тамъ передъ нами были благородныя, симпатичныя личности, чуть-ли не герои, тогда какъ въ новой пьесѣ мы имѣемъ дѣло съ мелкими, безпринципными людишками, забалмошными и невоспитанными. Молодой кутяла и повса бросаетъ свою любовницу и женится, потому что это, молъ, забавно (drôle). Его жена по идеямъ весьма сходна съ нимъ. Черезъ недѣлю мужъ возвращается къ бывшей любовницѣ, а жена беретъ себя любов-

ника. Пьеса кончается двойнымъ разводомъ. Разыгрывается она прелестно, публика смѣется все время, но новой эры пьеса конечно не создастъ.

Въ «Новостяхъ» находимъ слѣдующую курьезную телеграмму изъ Вѣны:

«Бывшій депутатъ Пасманди назвала въ одной газетѣ гастролирующую здѣсь италіанскую артистку Тину ди-Лоренцо бывшею одалискою изъ султанскаго гарема. Пять здѣшнихъ италіанцевъ отъ имени всей италіанской колоніи напечатали протестъ противъ этой выходки. Пасманди увѣряетъ, будто онъ хотѣлъ сказать, что Лоренцо играла въ театрѣ одалисокъ. Двойродный братъ артистки вызвалъ Пасманди на дуэль. Лоренцо, возмущенная этой исторіей, хотѣла уѣхать, но директоръ театровъ Кеглевичъ упростили ее остаться. Мадьярскія газеты рѣзко осуждаютъ Пасманди. Труппа опубликовала заявленіе объ образцовомъ (!) поведеніи артистки».

Все это очень похоже на новую рекламу ловкой артистки. Она далеко пойдеть—это ясно.

30-го января (11 февраля) въ Парижѣ въ театрѣ «Водевиль» шла новая пьеса Сарду «Pamela, marchande de frivolités», съ г-жею Режанъ въ роли Памелы. Сюжетъ пьесы—заточеніе и бѣгство дофина, сына Людовика XVI. Общепринято считать, что несчастный ребенокъ умеръ отъ дурного обращенія лица, на попеченіе которому онъ былъ отданъ. Пьеса-же Сарду, напротивъ, предполагаетъ, что Памела, торговка предметами моды, освободила дофина изъ рукъ его мучителей и увезла за границу. Послѣдняя картина представляетъ увозъ дофина изъ Парижа въ бочкѣ. Сарду увѣряетъ, что онъ можетъ подтвердить документами свой рассказъ о спасеніи маленькаго принца.

Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно разрѣшеннымъ къ представленію.

(См. „Правит. Вѣстн.“ № 24, 1898 г.)

- 25) «Конецъ вѣка». Фарсъ въ 2 д. (Съ польскаго) Перед. для русской сцены С. Ф. Горайской (Сѣверской) (По печ. изд. кн. маг. «Новости»). Спб. 1897 г.
- 26) «Кузиночка» (Ma cousine). Ком. въ 3 д. Соч. Г. Мельяка. Перев. съ фр. Н. Корша (По лит. изд. театр. библ. С. О. Разсохина). Спб. 1897 г.
- 27) «Лѣсная поросль». Ком. въ 4 д. Соч. А. М. Максимова (По лит. изд. кн. маг. «Новости»). Спб. 1897 г.
- 28) «Между дѣломъ». Пьеса въ 2 ак. Перев. съ италіанск. В. Протопопова (По печ. изд. журн. «Театръ и Искусство». Тип. Я. И. Либермана). Спб. 1897 г.
- 29) «Маргарита Готье». Др. въ 5 д. А. Дюма (Сына). Перев. М. А. фонъ-Ашебергъ (По печ. изд. Тип. А. Траншеля). Спб. 1897 г.
- 30) «Милочка». Ком. въ 1 д. Е. И. Поплавскаго (Ларскаго). (Мотивъ заимств.) (По лит. изд. книжн. маг. «Новости»). Спб. 1897 г.
- 31) «Мопсикъ». Шут. въ 1 д. Б. И. Бентовина (По печ. изд. журн. «Театръ и Искусство». Тип. Я. И. Либермана). Спб. 1897 г.
- 32) «Мужъ изъ деликатности» Ком. въ 3 д. Перед. І. Д. Рутковскаго и С. К. Левая (По лит. изд. книжн. маг. «Новости». Лит. А. Э. Винеке). Спб. 1897 г.
- 33) «Мужъ охотится». Фарсъ въ 3 д. Перед. съ франц. К. П. Ларина (По лит. изд. театр. библ. С. О. Разсохина). М. 1897 г.
- 34) «Мужья одолѣли», Ком.-вод. въ 3 д. (Сюж. заимств.). (По лит. изд. книжн. маг. «Новости». Тип. А. Винеке), Спб. 1897 г.
- 35) Набатъ. Пьеса въ 5 д. Григорія Ге (По лит. изд. книжн. маг. «Новости». Тип. А. Винеке). Спб. 1897 г.
- 36) Накалунъ. Возможный случай въ 1 д. Александра Плещева. (По печ. изд. «Сборникъ пьесъ». Тип. А. Бенке). Спб. 1897 г.
- 37) Не въ деньгахъ счастье. Ком. въ 4 д., съ проул. И. Чернышева. (По лит. изд. театр. библ. С. О. Разсохина). М. 1897 г.
- 38) Нервы. Эт. въ 1 д. М. В. Шевлякова. (По лит. изд. книжн. маг. «Новости». Тип. А. Винеке). Спб. 1897 г.
- 39) Ночью. Шут. въ 1 д. Заимств. П. Немвродова. (По печ. изд. журн. «Театръ и Искусство». Тип. Я. Либермана). Спб. 1897 г.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ вашихъ корреспондентовъ).

САМАРА. Антрепренеръ нашего городского театра, А. П. Грубинъ, въ виду неудовлетворительныхъ сборовъ въ театрѣ, и полнаго охлажденія публики къ полвизавожденія у насъ въ этомъ театрѣ группъ—пригласилъ на нѣскольکو спектаклей артистовъ—трагиковъ братьевъ Роберта и Рафаила Адельгеймъ, гастрологи которыхъ и начались у насъ съ 11 января и продолжаются еще и теперь. Гастрологи Бр. Адельгеймъ начались съ 13 января пьесой Шиллера—«Разбойники», затѣмъ съ участіемъ ихъ было поставлено: 14 января «Уриэль Акоста» Гюцкона, 16-го—«Отелло» Шекспира, 18—«Король Лиръ» Шекспира, 20—«Шейлокъ» Шекспира, 22—«Гамлетъ», 23—«Снѣгурочка» и 25—«Кингъ» Дюма. Всѣ эти спектак. ли, отъ перваго до послѣдняго, привлекли въ театръ множество публики, а на нѣкоторые, несмотря даже на приставные стулья не хватало мѣстъ и многіе за недостаткомъ билетовъ не могли попасть въ театръ. Антрепренеръ нашего театра, г. Грубинъ, всегда жаловался на хладнокровіе къ театру нашей публики и объяснялъ это ея неразвитостію, но вотъ гастрологи Адельгеймовъ доказали какъ разъ противное; слѣдовательно неуспѣхъ антрепризы объясняется не хладнокровіемъ и неразвитостію нашей публики, а скорѣе плохимъ составомъ нашей драматической труппы. Въ нынѣшнемъ году срокъ антрепризы г. Грубина кончается и можно думать, что нашъ театръ едва ли останется въ его рукахъ, такъ какъ сильными претендентами на снятіе театра, явились такіе лица, какъ антрепренеры казанско-саратовскаго театровъ г. Вородай, астраханскій антрепренеръ г. Струйскій и наконецъ сибирскій опереточный антрепренеръ г. Шульцъ. Изъ этихъ лицъ, болѣе другихъ имѣетъ шансы на снятіе нашего городского театра г. Вородай. Заговоривъ о сдачѣ въ аренду нашего театра на новый срокъ, приходится пожалѣть, что наше городское общественное управленіе, выработывая контрактъ для антрепренера городского театра, не включаетъ въ послѣдній устройство такъ называемыхъ «общедоступныхъ народныхъ» спектаклей, по крайней мѣрѣ хотъ одинъ разъ въ недѣлю, напримѣръ, по понедѣльникамъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Правда и у насъ ходили слухи, что театральная коммисія, въ условіяхъ съ новымъ антрепренеромъ, выговорить неперемѣнное устройство спектаклей по уменьшеннымъ цѣнамъ, но слухи эти не оправдались и въ выработанномъ и недавно распубликованномъ проектѣ контракта города съ антрепренеромъ мы не встрѣтили подобнаго пункта, и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Правда, небольшой кружокъ любителей съ недавняго времени началъ устраивать у насъ дешевые спектакли въ залѣ мѣстнаго дома трудолюбія, но намъ кажется одно другому бы не мѣшало. Названнымъ кружкомъ въ домѣ трудолюбія были даны уже три спектакля; ставили «Безъ вины виноватые»—Островскаго, «Легкія средства»—Шпагинскаго и наконецъ 25 января «На бойкомъ мѣстѣ»—Островскаго и на всѣхъ этихъ спектакляхъ было масса народа.

К..

КРАСНОЯРСКЪ. Въ городскомъ театрѣ, труппою оперныхъ и опереточныхъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Розенера, съ 1-го октября по 10-е января, кромѣ очень многихъ оперетокъ и легкіхъ комедій, были поставлены слѣдующія оперы: «Аскольдова могила» 2 раза, «Русалка» 2 раза, «Жизнь за Царя» 3 раза, «Галька» 2 раза, «Травиата» 2 раза, «Демонъ» 2 раза, «Фаустъ» 2 раза, «Карменъ» 3 раза, «Паяцы», «Онѣгинъ» 2 раза, «Риголетто» 2 раза, «Аида» 2 раза, «Волшебный стрѣлокъ» и одинъ актъ изъ «Рогнеды».—Ощущавшійся въ началѣ сезона недостатокъ въ баритонѣ, съ прїездомъ г. Задольскаго, съ успѣхомъ пополнился. Г. Задольскій обладаетъ обширнымъ по величинѣ голосомъ, недурной школой, хорошей внѣшностію, но еще недостаточно опытенъ. Къ замѣтнымъ недостаткамъ его относятся неясная фразировка и нѣкоторая угловатость манеръ, особенно замѣтная въ «Евг. Онѣгинѣ». Въ общемъ, онъ хорошій Демонъ, Тоніо, Амонасро, но ему еще рано брать за Риголетто, Карменъ и въ особенности за Онѣгина. Г. Бѣловъ — басъ, выказалъ себя съ прекрасной стороны въ Сусанинѣ, Мельникѣ, Спарфучиле и др. По прежнему болѣшимъ успѣхомъ пользуется г. Рѣзуновъ. Безспорно лучшими его ролями слѣдуетъ признать: Сабинина, Фауста, Донъ Хозе, Радамеса и вообще роли тепле ді форза, хотя и чисто лирическаія ему также удаются. 21 ноября въ его бенефисъ была поставлена опера «Травиата», давшая полный сборъ съ приставными стульями; были цѣнные подарки отъ публики. Вообще мужской персоналъ значительно лучше и сильнѣе женскаго. Контральто г-жа Михайлова, еще начинающая пѣвица, обладающая хорошимъ голосомъ, но въ роляхъ меццосопрановаго характера, она не на мѣстѣ. Лучшія ея роли Ваня, Княгиня, Мадалена и др. Сопрано г-жа Сикорская, очень недурна въ драматическихъ роляхъ какъ Аида, Русалка и др., но лирическаія, а тѣмъ болѣе колоратурныя партіи, какъ Джильда, Виолета, Недда ей совѣмъ не

по плечу. Кромѣ того постоянное детонированіе и довольно рутинная игра, значительно портятъ впечатлѣніе. Исполнители второстепенныхъ ролей очень слабы. Обстановка въ большинствѣ случаевъ очень плохая, особенно въ «Онѣгинѣ». Хоры удовлетворительны. Съ 29-го декабря гастроліровала артистка Е. К. Дигби, служащая преподавательницей пѣнія въ отдѣленіи Имп. Рус. Муз. Общ. въ Томскѣ, но особеннаго успѣха не имѣла. Голосъ ея утратилъ въ значительной степени свѣжесть и медіумъ почти не звучитъ. Готовятся къ постановкѣ: «Мазепа», «Сельская честь», «Жидовка» и въ бенефисъ г. Рѣзунова, 23-го января, опера «Трубадуръ». Дѣла очень хорошія, а на праздникахъ отличныя. Жалованье получается исправно.

Нодикъ.

ТИФЛИСЪ. За послѣдніе годы тифлисскаго театра сталъ необыкновенно дѣятельнымъ: не бываетъ въ немъ значительныхъ канікулъ зимою, ни даже лѣтомъ; съ сентября по февраль играетъ русская оперная труппа, въ великомъ посту италянско-русская, далѣе слѣдуютъ спектакли гастролірующихъ драматическихъ артистовъ до конца юнія. Всѣ эти, такъ сказать, три сезона проходятъ весьма удачно для публики и еще удачнѣе для артистовъ. Въ нынѣшнемъ году первый сезонъ закончился тоже не дурно, хотя сдача казеннаго театра дирекціей антрепренеру, а послѣднимъ—оперному товариществу представляли организацио весьма сомнительнаго свойства. Въ женскомъ персоналѣ лучшею артисткой была г-жа Папаянъ; ея красивый, сочный, полный, обширный и прекрасно поставленный голосъ остается такъ же свѣжимъ, какимъ былъ лѣтъ шесть тому назадъ, при началѣ ея артистической дѣятельности: умная, выразительная игра въ значительной степени содѣйствуетъ ея постоянному успѣху; не ослабли симпатіи нашей публики и къ г-жѣ Сюнербергъ, приглашенной въ серединѣ января и продолжающей привлекать многочисленную публику талантливой игрой и отличными пѣньемъ. Прочіе женскіе персонажи Тиманина, Политова, Кокинисъ, Гинкулова и др. въ общемъ довольно милая пѣвица.

Въ мужскомъ персоналѣ было тоже не мало хорошихъ пѣвцовъ: Горяиновъ, Виноградовъ, Кокинисъ, Перестъ; наиболѣе выдающимся былъ г. Каміонскій, баритонъ обширный, красивый, довольно сочный, прекрасно обработанный; въ игрѣ и пѣнии артистъ производитъ сильно впечатлѣніе своей школой, т. е., тѣмъ, что отсутствуетъ почти у всѣхъ современныхъ артистовъ; все у него обдуманно, отлѣвлено, въ пѣнии нѣтъ ничего рѣзкаго, неумѣстнаго, неудачнаго, не соответствующаго стилю произведенія и требованіямъ композитора; во многихъ отношеніяхъ артистъ этотъ напоминаетъ г. Приишникову и пользуется среди меломановъ большимъ успѣхомъ, порою омрачаемымъ демонстраціями райка.

Г-жа Папаянъ и г. Каміонскій остаются на второй, великопостный сезонъ; приглашены нѣкоторые новые артисты.

Оркестръ подъ управленіемъ г. Пагани шелъ недурно. Сборъ былъ очень хорошій.

Три новыя оперы не понравились публикѣ: одна, «Снѣгурочка», потому что не была понята и поставлена неудовлетворительно, двѣ, «Андре Шенье» и «Дубровскій», по винѣ композиторовъ этихъ оперъ.

Изъ концертантовъ были у насъ теноръ Шахламянъ съ пианисткою Цимъ и ожидается Тереза Каррено. Г-жа Цимъ выступила въ квартетномъ собраніи (тріо Аренскаго) и намѣрена участвовать въ симфоническомъ (концертъ Аренскаго); она имѣла солидный успѣхъ.

В. К.

КІЕВЪ. Н. Н. Соловцовъ обладаетъ изумительною настоячивостію: не смотря на цѣлый рядъ неудачъ, которыя онъ потерпѣлъ въ роли Гамлета въ недалекомъ прошломъ, онъ снова выступилъ въ той же роли. Послѣ протеста, вызваннаго артистами нашей драмы по поводу постановки оперетки «Ревизоръ на-пэнанку», играть Гамлета («но что бы то не стало» — *ce n'est pas un faute, c'est une crinç...*)

Г. Соловцовъ, безспорно, хороший артистъ, но только въ тѣхъ роляхъ, которыя по своей идее и чувствамъ, выраженнымъ въ нихъ, не представляютъ значительныхъ трудностей, т. е. сами по себѣ просты, но для художественнаго воспроизведенія ложныхъ процессовъ психологическихъ и интеллектуальныхъ, для тонкой передачи оттѣнковъ настроеній, для коллизій чувствъ Соловцовъ не располагаетъ необходимыми для этого средствами. Поэтому-то у г. Соловцова Іоаннъ Гроаный, Свенгали, Бѣлозеровъ, Гамлетъ получаютъ фальшивый обликъ.

Изъ Гамлета, съ его сложной психической организаціей, съ его склонностію къ философскому мышленію, съ его меланхолическимъ настроеніемъ и разслабленной волей, г. Соловцовъ создалъ грубаго, неистовствующаго маніака, мечущагося изъ стороны въ сторону, дико кричащаго и громко рыдающаго... Бѣдный Гамлетъ!

Съ внѣшней стороны—благодаря своей колоссальной фигурѣ, тяжеловѣснымъ движеніямъ и зычному голосу, г. Соловцовъ тоже, конечно, мало походилъ на принца Датскаго.

Остальные персонажи содѣйствовали... провалу пьесы: г. Михайловъ далъ плохую «тѣнь» Гамлета-отца, а прочіе были «вообще тѣнями», незнавшими къ тому же своихъ ролей—такова ужъ судьба всѣхъ классическихъ пьесъ на нашей сценѣ.

Вслѣдъ за г. Соловцовымъ въ той-же роли выступилъ, какъ рыцарь безъ страха и упрека г. Багровъ. По всему видно, что г. Багровъ—человѣкъ рѣшительный и смѣлый, но въ ряду со своей неустрашимостью онъ въ «своемъ» Гамлетѣ доказалъ, что его самыя гордаго выше его дарованія: г. Багровъ не далъ въ Гамлетѣ ни одного вѣрнаго штриха, онъ извратилъ его «отъ головы до пятъ», придавъ Гамлету слишкомъ драматическую окраску и чрезмѣрной страстностью заслонивъ внутреннй мйръ героя.

Недавно состоялся бенефисъ Н. Н. Соловцова, шла пьеса И. Н. Потапенко «Жизнь». Бенефисный спектакль былъ исключительно спектаклемъ... не по исполненію, а по количеству подарковъ и по шуму. Сцена послѣ каждаго акта превращалась въ выставку магазина «Louvre»; здѣсь можно было видѣть цвѣты, вѣнки, серебряные и фаянсовые сервизы, золотые кубки, изящныя рукодѣлія, часы, мебель и т. п. товары.

Въ роли Бѣлозерова, какъ въ одной изъ тѣхъ ролей, которыя не соответствуютъ, въ силу своей сложности, характеру дарованія г. Соловцова, бенефициантъ имѣлъ слабый успѣхъ.

Такъ-же неудачно прошель 29-го января бенефисъ М. М. Глѣбовой, она выбрала (не странно-ли) драму-мелодраму г. Амфитеатрова «Отравленная совѣсть». Говорить здѣсь о якобы художественныхъ достоинствахъ пьесы излишне. Можно только прибавить, что къ пьесѣ г. Амфитеатрова, сшитои изъ бульварныхъ парадоксовъ и лубочной психологии, вполне примѣнимы слова Синева, героя пьесы: «все это старые софизмы со сквернымъ запахомъ».

Бенефициантка не смотря на свой «годами испытанный» талантъ, не смотря на всю свою старательность и задушевность въ игрѣ ничего не могла создать изъ Верховской.

31-го января состоялся въ театрѣ «Соловцовъ» драматическій вечеръ («На маневрахъ») для усиленія средствъ Русскаго Театрального Общества. Вечеръ далъ хорошей сборъ.

Изъ концертовъ за послѣднее время выдѣлился по своему успѣху концертъ М. М. Сикарда и Олимпіи Баронать (любимица кievской публики). Концертный залъ купеческаго собранія давно не былъ такъ «биткомъ набитъ», какъ 23-го января.

Оперетка г. Чарова дѣлаеть довольно большіе сборы, не смотря на то, что первые артисты обладаютъ довольно таки слабыми голосами, хоръ мизеренъ, декораций нѣтъ, бутафорія напоминаетъ собою балаганный театръ. Когда хорошаго театра нѣтъ, приходится питаться суррогатами!..

ИРКУТСКЪ. Дѣла новаго театра хороши. Антрепризой Кравченко по 12 января выручено 56,263 р. По поводу нашего театра въ сибирской прессѣ не мало говорили. Господа, страдающіе зудомъ обличенія обвиняли театральную комиссію, что она не сдержала обѣщаній поставить театръ на широкую ногу, отдала его антрепренеру. Теперь на страницахъ «Вост. Об.» членъ театальной комиссіи А. Корниловъ въ обстоятельной статьѣ доказываетъ, что если городъ за цемѣннемъ средствъ и не могъ лично взяться за антрепризу и не сдержалъ всѣхъ обѣщаній, то упрекать за это никого не

приходится. Время оправдаетъ обѣщанія, данныя при открытіи театра. Но и теперь выборъ антрепренера и веденіе имъ дѣла не оставляютъ желать лучшаго. Г. Кравченко ведетъ очень чистый репертуаръ, по собственному почину завелъ общедоступные спектакли. Не только не злоупотребливаетъ правомъ ставить оперетку, но наоборотъ ставитъ весьма прилично оперы.

РОСТОВЪ и НОВОЧЕРКАССКЪ. Въ Ростовѣ, 30-го января, былъ поставленъ въ первый разъ «Потонувшій колоколь». Обстановка была недурна, хотя, повидимому, спѣшно слагана. Фею Раутенделейя играла г-жа Синельникова, которая по своему крупному сложенію мало пригодна для этой роли. Тонъ г-жи Синельниковой былъ, впрочемъ, легкой и наивный. Прочіе исполнители насъ мало удовлетворили. Г. Людвиговъ-Генрихъ, все время кричалъ благимъ матомъ, что очень любить въ провинціи, но что нисколько не характерно для Генриха, г-жа Дарьялъ, Магда, обнаружилла мало искренности и вела роль условнымъ тономъ. Хороши были гг. Петровскій и Ильковъ, въ роляхъ водяного и лѣшаго, и г. Чаринъ въ маленькой эпизодической роли.

Дѣла г. Синельникова очень хороши. Нужно отзаться справедливо антрепренеру, сумѣвшему составить обширную и разнообразную труппу и вести все время интересный репертуаръ. Въ закулисныхъ сферахъ много толковъ вызывалъ крупный штрафъ, наложенный дирекціею театра на г-жу Паскалову за отказъ отъ роли.

Въ новочеркасскомъ театрѣ 27-го января состоялся бенефисъ г-жи Миткевичъ, поставившей «Волшебную сказку». Пьеса прошла съ посредственнымъ успѣхомъ, и много выиграла бы, если бы была сокращена. Бенефициантка была встрѣчена сочувственно публикою и имѣла значительный успѣхъ. При появленіи бенефициантки, на нее посыпались, по провинціальному обыкновенію, дождь привѣтствій, отпечатанныхъ на разноцвѣтной бумагѣ.

Дѣла антрепризы, въ общемъ, недурны. Оперетка сдѣлаеть тождь драмы, но въ итогѣ С. И. Крыловъ сведеть концы съ концами. Въ будущемъ сезонѣ опять предполагается оперетка и драма

Справочный отдѣлъ.

А. А. Лавня-Богдановскій. Исполн. роли 2-й любовникъ, играю нѣкоторые роли и первыхъ. С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 197, кв. 4

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Новая книга

ПЕЧАТАЕТСЯ

ГРАФЪ ДЕ-РИЗООРЪ

(PATRIE!)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. О. Арбенина.

(Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію)

Иллюстрированное изданіе журнала «Театръ и Искусство»,

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СІБ. Моховая, 45.

НОВАЯ КНИГА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга:

„Разбитые кумиры“

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. А. ТИХОНОВА.

7-7

Я УПОТРЕБЛЯЮ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

для рощенія волосъ и противъ перхоти на головъ.

При покупкѣ Элеопата просимъ требовать только

ЭЛЕОПАТЬ**КИНУНЕНЪ**

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна флакову 1 р. 50 к. съ пересылкою въ Европ. Россію 2 руб.

Подробное наставленіе о способѣ употребленія находится при каждомъ флаконѣ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Адресъ для писемъ: Петербургъ, противу Кинунену, Демидовъ пер., д. № 1.

ТОРТОВЫЙ ДОМЪ
„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ДЛЯ НѢЖНОСТИ и БѢЛИЗНЫ КОЖИ

♦ **МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ** ♦

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе почтеннѣйшей публики, что въ продажѣ существуетъ много сортовъ вазелинового мыла, въ большинствѣ случаевъ сходныхъ по внѣшнему виду съ нашимъ мыломъ, но качествомъ своимъ ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, почему и просимъ, желающихъ имѣть настоящее вазелиновое мыло, требовать всегда „МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ“ съ торговой маркой на каждомъ кускѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Цѣна за кусокъ 30 коп.

Коробка въ 6 кусковъ 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ, С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 120 (20-11)

А. БЕККЕРЪ.

ПОСТАВЩИКЪ

ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО.

РОЯЛИ и ПИАНИНО.**ВЫСШІЯ НАГРАДЫ**1893 г.
ЧИКАГО.
Дипломъ и медаль.1894 г.
АНТВЕРПЕНЬ.
Grand Prix.1896 г.
НИЖН.-НОВГОРОДЪ.
Государств. Гербъ.1897 г.
СТОКГОЛЬМЪ

ЗВАНІЕ ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Иллюстрированные прейс-курранты безплатно

№ 27-2

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы.

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будишева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночью“ шутка Немвродова. Ц. 50 к., „Мошкѣ“, шутка въ 1 д. Б. Бентовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртенъева“. др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“ Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта Ц. 1 р., „Волшебная сказка“ Ц. 2 р.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%. При выпискѣ журнала за 1897 г., названныя пьесы получаютъ въ видѣ бесплатныхъ приложений.